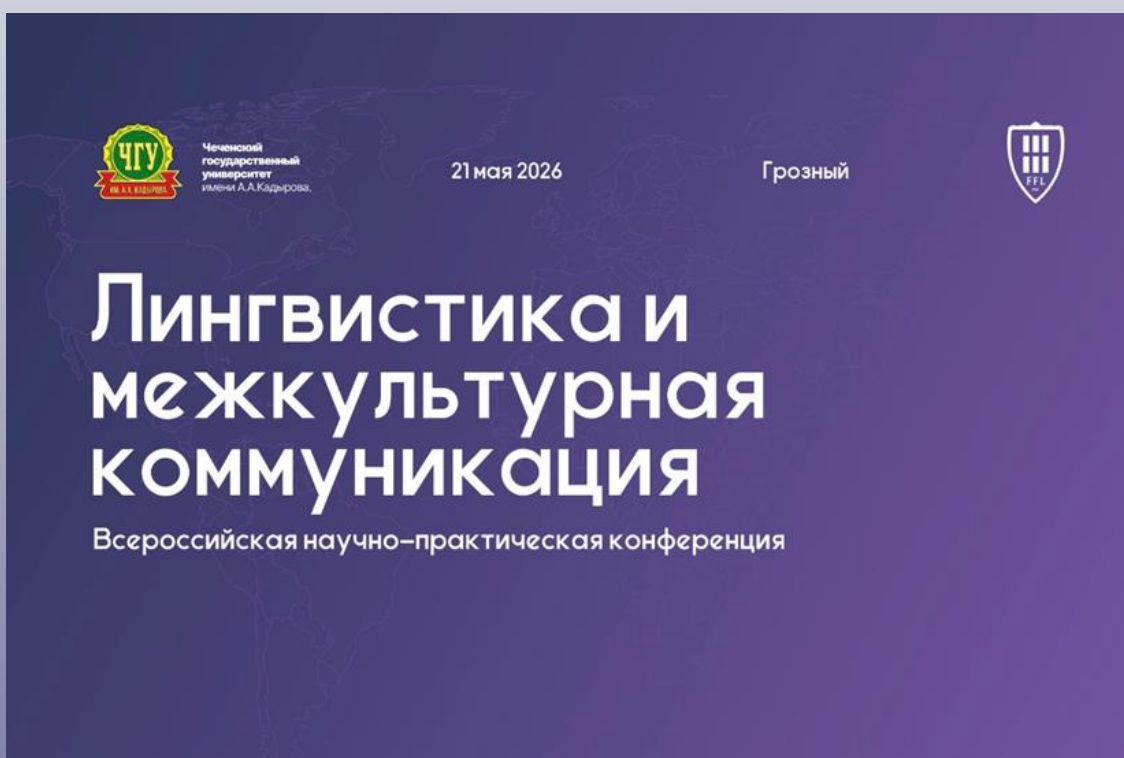

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЧЕЧЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АХМАТА АБДУЛХАМИДОВИЧА КАДЫРОВА»**

Всероссийская научно-практическая конференция

«ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ»

21 мая 2026 года

Грозный – 2026

УДК 811.581
ББК 81
Л 59

Ответственный редактор: **Таштамиров М.Р.** канд. экон. наук,
проректор по науке и инновациям

Редакционный совет: **Даутмурзаева З.Г.** старший преподаватель
кафедры «Английский язык»
Джабраилов А.Л., начальник управления по
научно-исследовательской деятельности
Хамзаева А.А., и. о. декана факультета
иностранных языков
Даутмурзаева З.Г., зам. декана по научной
работе
Абдукадырова Т.Т., к.п.н., доцент
Дзейтова Х.Б., к.ф.н., доцент

Л 59. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Материалы
Всероссийской научно-практической конференции [Электронное издание]: (21
мая 2026 г.) – Грозный: издательство ФГБОУ ВО «Чеченский государственный
университет им. А.А. Кадырова», 2026. – 96 с.

*В сборник включены материалы докладов Всероссийской научно-практической
конференции студентов, аспирантов, молодых ученых и профессорско-
преподавательского состава «Лингвистика и межкультурная коммуникация». В
опубликованных докладах студентов, аспирантов и молодых ученых освещаются
различные аспекты лингвистики и межкультурной коммуникации. Доклады
охватывают широкую тематику в области методики и практики преподавания
иностранных языков, сопоставительной лингвистики и межкультурной
коммуникации. Материалы могут представлять интерес для научных работников,
преподавателей, аспирантов, студентов, а также всех, кто интересуется
лингвистикой и межкультурной коммуникацией.*

*ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет» не несет
ответственности за материалы, представленные авторами для очного и заочного
участия в конференции.*

ISBN 978-5-91127-499-3

© Авторы, 2026 г.

© ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», 2026 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Адамов А.М., Манцаева А.Н. Стратегии выражения просьбы в британском английском: прагматический и лингвокультурный анализ.....	5
Амирхажиев Н.У. О роли подкастов в контексте изучения иностранных языков (на примере английского языка).....	9
Боргунаева Р.А., Махашева Д.Р. Обучение стратегиям и развитие автономии обучающихся.....	17
Баталова Л.Х., Юсупова С.С.-А. Средства модальности, выражающие сожаление во французском языке в творчестве Ф. Саган.....	23
Бисултанова Р.А., Шамилева Р.Д., Зекиева П.М. Концепт «Еда» в русских поговорках.....	30
Гагаева Х.Х., Абуева М.С.-С. Метафорическое моделирование действительности в событиях противостояния Ирана и США.....	36
Исипова М.Р., Даутмурзаева З.Г. Влияние французского языка на формирование концепта «Богатство».....	40
Индарбаев М.Г., Манцаева А.Н. Заимствования как способ пополнения словарного запаса в английском языке.....	45
Ибрагимов И.А., Дзейтова Х.Б. Арабизмы в испанском языке.....	49
Кагерманова М.М., Абуева М.С.-С. Метафора игры как средство моделирования России в англоязычном медиадискурсе.....	54
Кагерманова М.М., Шамилева Р.Д., Зекиева П.М. Функции фразеологических единиц.....	58
Магомадова М.У., Дзейтова Х.Б. Язык жестов в разных культурах (на материале французского, русского и чеченского языков).....	63
Муртазалиева А.А., Сардалова Л.Р. Языковая ситуация в Чеченской Республике: сохранение чеченского языка и влияние русского языка.....	69
Наурбиев И.В., Даутмурзаева З.Г. Сопоставительный анализ письменностей и заимствований в севернокитайских языках.....	74
Садаев Д.С.-Х. Эффективность изучения иностранного языка через мобильное приложение Duolingo: обзор исследований и качественный анализ.....	82
Хадисова Х.Ш., Юсупова С.С.-А. Фразеосемантическое поле «Любовь» в разноструктурных языках (на материале русского, французского и чеченского языков).....	87
Яхьяев А.-Р.С.-Э., Арсаханова М. А.-Х. Межкультурная коммуникация в контексте национального менталитета: языковой и культурный аспекты.....	92

CONTENTS

Adamov, A.M., Mantsayeva, A.N. Request Strategies in British English: A Pragmatic and Linguocultural Analysis.....	5
Amirkhazhiev N.U. The role of podcasts in the context of learning foreign languages (using the example of english).....	9
Borgunaeva, R.A., Makhasheva, D.R. Teaching Strategies and Developing Learner Autonomy.....	17
Batalova, L.Kh., Yusupova, S.S.-A. Modal Means Expressing Regret in French in the Works of F. Sagan.....	23
Bisultanova, R.A., Shamileva, R.D., Zekieva, P.M. The Concept of "Food" in Russian Proverbs.....	30
Gagaeva, H.Kh., Abueva M.S.-S. Metaphorical Modeling of Reality in the Iran-US Confrontation.....	36
Isipova, M.R., Dautmurzaeva, Z.G. The Influence of the French Language on the Formation of the Concept of "Wealth".....	40
Indarbaev, M.G., Mantsayeva, A.N. Borrowings as a Way to Expand Vocabulary in English.....	45
Ibragimov I.A., Dzeitova Kh.B. Arabisms in Spanish.....	49
Kagermanova M.M., Abueva M.S.-S. Game metaphors as a means of modelling Russia's image in English language media discourse.....	54
Kagermanova M.M., Shamileva R.D., Zekieva P.M. Functions of Phraseological Units.....	58
Magomadova M.U., Dzeitova Kh.B. Sign Language in Different Cultures (Based on French, Russian, and Chechen Languages).....	63
Murtazalieva A.A., Sardalova L.R. The Language Situation in the Chechen Republic: Preservation of the Chechen Language and the Influence of the Russian Language.....	69
Naurbiev I.V., Dautmurzaeva Z.G. Comparative Analysis of Scripts and Borrowings in Northern Chinese Languages.....	74
Sadaev D.S.-Kh. The Effectiveness of Foreign Language Learning via the Duolingo Mobile App: A Research Review and Qualitative Analysis.....	82
Khadisova, H.Sh., Yusupova, S.S.-A. The Phrase-Semantic Field of "Love" in Languages with Different Structures (Based on Russian, French, and Chechen).....	87
Yakhyaev, A.-R.S.-E., Arsakhanova M.A.-Kh. Intercultural Communication in the Context of National Mentality: Linguistic and Cultural Aspects.....	92

УДК 81'1

СТРАТЕГИИ ВЫРАЖЕНИЯ ПРОСЬБЫ В БРИТАНСКОМ АНГЛИЙСКОМ: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ

Адамов А.М.,

магистрант 2 курса факультета иностранных языков

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова»

e-mail: vvovroomprrr@gmail.com

Манцаева А.Н.,

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова»;

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет»

e-mail: klaramantsaeva@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются речевой жанр «просьба» в британском английском в поле прагматики и лингвокультурологии. Актуальность исследования обусловлена необходимостью не только обучать грамматическим структурам, но и формировать у изучающих английский язык прагматическую компетенцию – способность выбирать уместную степень вежливости в зависимости от ситуации. Цель работы – обнаружить и классифицировать формы выражения британской просьбы по шкале косвенности и вежливости. В работе использованы методы: сплошной выборки и классификация на основе теорий вежливости Браун и Левинсона, а также принцип вежливости Лича. Выводы настоящей работы послужат учебным материалом для преподавателей иностранных языков для формирования межкультурной компетенции.

Ключевые слова: британский английский, речевой акт просьбы, косвенные речевые акты, вежливость, негативная вежливость, прагматика, межкультурная коммуникация.

STRATEGIES FOR EXPRESSING REQUESTS IN BRITISH ENGLISH: A PRAGMATIC AND LINGUOCULTURAL ANALYSIS

Adamov A.M.

2nd year Master's student Faculty of Foreign Languages

Kadyrov Chechen State University

Mantsayeva A.N.

Candidate of Philological Sciences,

associate professor of the English Language department

Kadyrov Chechen State University,

Chechen State Pedagogical University

Abstract. The article analyzes the speech genre of «request» in British English within the framework of pragmatics and cultural linguistics. The relevance of this study stems from the need not only to teach grammatical structures but also to develop pragmatic competence in English learners – the ability to choose the appropriate level of politeness depending on the situation. The aim of this study is to identify and classify forms of British requests according to a scale of indirectness and politeness. The study utilizes the following methods: continuous sampling and classification based on Brown and

Levinson's politeness theories, as well as Leach's principle of politeness. The findings of this study will serve as teaching material for foreign language teachers to develop intercultural competence.

Keywords: *British English, request speech act, indirect speech acts, politeness, negative politeness, pragmatics, intercultural communication.*

Изучение иностранного языка традиционно фокусируется на грамматической правильности и лексическом богатстве. Однако даже безупречное, с точки зрения грамматики, высказывание может быть коммуникативно неуместным в определённой лингвокультурной среде. В британской коммуникативной культуре, характеризующейся высокой степенью косвенности и стремлением сохранить «лицо» собеседника, прямая просьба вроде *“I want tea”* может восприниматься не как нейтральное сообщение, а как давление или даже грубость. Актуальность исследования обусловлена необходимостью не только обучать грамматическим структурам, но и формировать у изучающих английский язык прагматическую компетенцию – способность выбирать уместную степень вежливости в зависимости от ситуации.

Цель настоящей работы – выявить и классифицировать стратегии выражения просьбы в британском английском, распределив их по степени косвенности. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: отобрать корпус примеров (25 контекстов), выделить основные типы стратегий, дать культурно-прагматический комментарий к каждому типу.

Теоретической основой работы служат классические труды в области прагматики и теории вежливости, а также исследования российских лингвистов, занимающихся сопоставительным анализом коммуникативного поведения. В.И. Карасик (2002) в своей работе «Языковой круг: личность, концепты, дискурс» вводит понятие коммуникативных доминант, подчёркивая, что степень косвенности речевых актов является одной из ключевых характеристик национального коммуникативного стиля [1].

П. Браун и С. Левинсон ввели понятие «негативной вежливости» – системы стратегий, направленных на ненавязывание, сохранение свободы и независимости собеседника. Британская культура, по мнению многих исследователей, демонстрирует ярко выраженную негативную вежливость: даже привычные действия (просьба, несогласие, отказ) облачаются в косвенные формы, чтобы не угрожать «лицу» адресата [3].

Дж. Лич развил идею «шкалы косвенности»: чем менее прямолинейно сформулирован речевой акт, тем он вежливее, но тем больше социальная дистанция между коммуникантами [5]. А. Вежбицка показала, что в английском языке доминируют культурные сценарии, предписывающие избегать прямых выражений воли и максимизировать возможность для собеседника отказаться, не теряя лица [9]. Т.В. Ларина в монографии «Категория вежливости и стиль коммуникации» на материале русского и английского языков убедительно доказывает, что английская коммуникация в целом более косвенна и ориентирована на «негативную вежливость» по сравнению с русской. В настоящей работе эти положения применяются для анализа одного из самых частотных речевых актов – просьбы [2].

Материалом исследования послужили учебные упражнения и примеры, опубликованные на сайтах Perfect English Grammar («Indirect questions and polite requests»), English Current («Polite requests: how to ask for things»), а также примеры из пособия «Oxford English Grammar Course: Advanced». Отобрано 25 контекстов, содержащих прямые и косвенные просьбы.

Выборка осуществлялась по принципу репрезентативности основных типов стратегий (прямые, смягчённые, косвенные, с хеджами). Классификация проводилась по степени косвенности в рамках моделей Браун & Левинсона, а также Лича. Учебные примеры не являются полностью аутентичными, однако они дают представление о типовых стратегиях британской вежливости, принятых в учебной традиции, и могут служить базой для первичной типологизации.

В результате анализа было выделено шесть основных стратегий выражения просьбы, различающихся по степени косвенности. Ниже каждая стратегия описывается отдельно с указанием типовой формулы, примера, частотности в выборке и культурного комментария.

Стратегия 1 (прямая, минимальная косвенность). Типовая формула: *“Can you...?”*, часто без слова *“please”*. Пример: *“Can you pass me the salt?”*. В выборке эта стратегия составила около 5–10%. Культурный комментарий: такая форма приемлема только в очень неформальном общении (*друзья, семья*). В остальных ситуациях может восприниматься как требование, а не как вежливая просьба.

Стратегия 2 (средняя, стандартная вежливость). Типовые формулы: *«Could you...?»*, *«Would you...?»* с обязательным *«please»*. Пример: *«Could you help me with this, please?»*. Доля в выборке: 30–40%. Это типичная, нейтрально-вежливая просьба, уместная в большинстве бытовых и деловых ситуаций.

Стратегия 3 (высокая, очень вежливая). Типовые формулы: *«I wonder if you could...?»*, *«I don't suppose you could...?»*. Пример: *«I wonder if you could possibly open the window?»*. Доля в выборке: 15–20%. Эта стратегия демонстрирует сверхосторожность, избегание даже намёка на давление. Используется с незнакомыми людьми или вышестоящими лицами.

Стратегия 4 (максимальная, с извинением). Типовая формула: *«I'm terribly sorry to bother you, but...»*. Пример: *«I'm sorry to trouble you, but could you explain this again?»*.

Доля в выборке: 5–10%. Просьба сопровождается извинением за беспокойство. Характерна для ситуаций, когда говорящий осознаёт, что отвлекает собеседника от важного дела.

Стратегия 5 (косвенная, через вопрос о возможности). Типовая формула: *«Would it be possible to...?»*. Пример: *«Would it be possible to have a few minutes of your time?»*. Доля в выборке: 5–10%. Это формальная, часто письменная стратегия, характерная для официальной переписки и деловой коммуникации.

Стратегия 6 (наименее прямая, с хеджем). Типовые формулы: *«Perhaps you could...?»*, *«You couldn't... by any chance, could you?»*. Пример: *«You couldn't give me a hand, by any chance, could you?»*. Доля в выборке: 10–15%. Эта «предположительная» форма характерна именно для британского варианта

английского. Просьба подаётся как вопрос о возможности действия, а не как прямое побуждение, что оставляет собеседнику максимальную свободу для отказа.

Практическим результатом исследования является классификация из шести стратегий выражения просьбы, ранжированных по степени косвенности. Установлено, что в учебной выборке доминируют косвенные формы (уровни 2 и 3), тогда как прямая просьба (уровень 1) составляет не более 10% и ограничена неформальным общением.

Культурно-прагматический анализ показал, что выбор степени косвенности напрямую связан с факторами социальной дистанции, статуса собеседника и степени знакомства. Стратегии 2–6 реализуют тактики негативной вежливости, направленные на ненавязывание и сохранение лица адресата.

Как подчёркивает Т.В. Ларина (2009), подобная косвенность является устойчивой чертой англоязычной (особенно британской) коммуникативной культуры, отличающей её от русской, где в бытовом общении допустима большая прямота [2].

Разработанная шкала может быть использована в преподавании английского языка как иностранного для формирования межкультурной и прагматической компетенции учащихся, что соответствует идее В.И. Карасика о необходимости обучать не только языку, но и нормам коммуникативного поведения.

Список литературы

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
2. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 512 с.
3. Brown, P., & Levinson, S.C. (1987). Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge University Press.
4. English Current. (n.d.). Polite requests: how to ask for things in English. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.englishcurrent.com/polite-requests/> (дата обращения: 27.04.2026).
5. Leech, G.N. (2014). The Pragmatics of Politeness. Oxford University Press.
6. Perfect English Grammar. (n.d.). Indirect questions and polite requests. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.perfect-english-grammar.com/indirect-questions.html> (дата обращения: 27.04.2026).
7. Swan, M. (2016). Practical English Usage. Oxford University Press.
8. Swan, M., & Walter, C. (2017). Oxford English Grammar Course: Advanced. Oxford University Press.
9. Wierzbicka, A. (2003). Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction. Mouton de Gruyter.

О РОЛИ ПОДКАСТОВ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Амирхажиев Н.У.,

старший преподаватель кафедры иностранных языков

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова»

e-mail: amirchashiev@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности применения подкастов как цифрового образовательного ресурса в процессе обучения английскому языку. Обосновывается актуальность использования подкастинга в системе современного иноязычного образования в условиях цифровизации и информатизации общества. Анализируется дидактический потенциал подкастов, их влияние на формирование навыков аудирования и развитие продуктивных видов речевой деятельности. Особое внимание уделяется аутентичности подкастов как источника социокультурной информации, отражающей реальные коммуникативные ситуации и особенности речевого поведения носителей языка. В работе описываются основные этапы организации учебной деятельности с использованием подкастов, приводятся типы упражнений для различных стадий работы с аудиоматериалом и демонстрируются примеры заданий. Рассматриваются лингвистические и экстралингвистические трудности, возникающие при интеграции подкастинга в образовательный процесс, а также пути их преодоления.

Ключевые слова: подкасты, подкастинг, обучение английскому языку, аудирование, цифровые технологии.

THE ROLE OF PODCASTS IN THE CONTEXT OF LEARNING FOREIGN LANGUAGES (USING THE EXAMPLE OF ENGLISH)

Amirkhazhiev N.U.,

Headteacher of the Department of Foreign Languages,

Kadyrov Chechen State University

Abstract. The article examines the specifics of using podcasts as a digital educational resource in teaching English. The relevance of podcasting in modern foreign language education under the conditions of digitalization and informatization of society is substantiated. The didactic potential of podcasts and their influence on the development of listening skills and productive language activities are analyzed. Special attention is paid to the authenticity of podcasts as a source of sociocultural information reflecting real communicative situations and speech behavior of native speakers. The main stages of organizing learning activities with podcasts are described, types of tasks for different stages of working with audio materials are presented, and examples of exercises are demonstrated. Linguistic and extralinguistic difficulties arising in the integration of podcasting into the educational process and ways of overcoming them are considered.

Keywords: podcasts, podcasting, English language teaching, listening comprehension, digital technologies.

Современная система образования характеризуется интенсивным внедрением цифровых технологий и постоянным расширением спектра электронных средств обучения. В условиях глобализационных процессов и

всеобъемлющей информатизации общества существенно возрастает потребность в результативных инструментах преподавания иностранных языков, способных обеспечить надлежащий уровень языковой подготовки и соответствие требованиям межкультурного взаимодействия. Методика обучения английскому языку на современном этапе ориентирована преимущественно на формирование коммуникативной компетенции обучающихся, что предполагает развитие всех видов речевой деятельности с обязательным учётом социокультурных параметров. В этой связи особый интерес представляет использование подкастов как разновидности мультимедийного ресурса, позволяющего интегрировать аутентичный языковой материал в образовательный процесс. Данная тенденция обусловлена изменением образовательных парадигм, в рамках которых акцент смещается с усвоения изолированных языковых знаний на развитие способности к реальному иноязычному взаимодействию. Цифровые ресурсы, в том числе аудиовизуальные материалы, предоставляют возможность моделировать ситуации естественного общения и приближать учебный процесс к условиям реального языкового функционирования. Использование современных технологий позволяет также учитывать индивидуальные траектории обучения, предоставляя учащимся доступ к разнообразным формам подачи материала и возможностям самостоятельной работы.

Подкасты представляют собой аудио- либо видеоматериалы, распространяемые посредством сети Интернет и доступные для многократного воспроизведения. К их отличительным характеристикам относятся тематическое многообразие, регулярность обновления контента и ориентация на реальные коммуникативные ситуации. В методике обучения иностранным языкам подкасты рассматриваются как средство расширения языковой практики обучающихся и формирования устойчивых навыков восприятия иноязычной речи на слух. Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью комплексного осмысления педагогического потенциала подкастинга и выявления условий его результативного внедрения в образовательный процесс. Цель статьи заключается в определении специфики применения подкастов при обучении английскому языку, анализе их дидактических возможностей и описании методических приёмов работы с данным ресурсом. Распространение подкастов напрямую связано с развитием мобильных устройств и потоковых платформ, что обеспечивает их доступность в любое время и в любом месте. Обучающиеся могут использовать подкасты как в рамках аудиторных занятий, так и в процессе самостоятельной подготовки, тем самым расширяя временные границы образовательного взаимодействия. Кроме того, жанровое разнообразие подкастов – от интервью и информационных обзоров до научно-популярных программ – создаёт условия для подбора материалов в соответствии с учебными задачами и познавательными интересами обучающихся [3].

Подкасты как современный образовательный ресурс характеризуются совокупностью свойств, которые обуславливают их высокую дидактическую значимость в процессе обучения иностранным языкам. Прежде всего необходимо подчеркнуть их аутентичный характер. Подавляющее большинство

подкастов создаётся непосредственными носителями языка и отражает естественное функционирование устной речи в реальных коммуникативных условиях, что предоставляет обучающимся возможность воспринимать язык в его подлинном употреблении. Следует подчеркнуть, что данное положение обладает значительной методической значимостью в контексте формирования и дальнейшего совершенствования аудитивной компетенции обучающихся, поскольку в процессе систематической работы с подкастами они получают возможность воспринимать широкий спектр фонетических особенностей речи, включая различные варианты произношения, неодинаковые темповые характеристики речевого потока и многообразные интонационные конструкции. В частности, при использовании подкаста, посвящённого рассмотрению актуальных экологических проблем, обучающимся может быть предложено определить ключевую мысль аудиосообщения, после чего установить аргументы, посредством которых говорящий обосновывает собственную позицию. Представленный формат учебной деятельности направлен одновременно на развитие навыков общего восприятия содержания и способности к детальному анализу аудиотекста. Более того, необходимо отметить, что регулярное взаимодействие с аутентичными речевыми образцами способствует постепенному преодолению разрыва между академическим вариантом изучаемого языка и особенностями его функционирования в реальной коммуникативной практике, что достаточно часто вызывает определённые затруднения у обучающихся в процессе овладения иностранным языком [4, с. 22].

Кроме того, в научно-методической литературе подчёркивается значительный потенциал подкастов в развитии продуктивных видов речевой деятельности обучающихся. После завершения этапа прослушивания аудиоматериала обучающиеся могут выполнять разнообразные задания, направленные на совершенствование устной и письменной речи, что, в свою очередь, обеспечивает более прочное усвоение лексико-грамматического материала и способствует активизации уже сформированных языковых навыков. Так, в качестве иллюстрации можно рассмотреть задание, предполагающее подготовку устного сообщения после прослушивания подкаста, посвящённого особенностям празднования Рождества в Великобритании. В рамках этого задания обучающимся предлагается провести сопоставительный анализ британских традиций и традиций собственной страны. Следует отметить, что рассматриваемая форма организации учебной деятельности способствует активизации использования ранее усвоенных лексических единиц в условиях непосредственного речевого взаимодействия и одновременно создаёт условия для совершенствования у обучающихся навыков построения развёрнутого монологического высказывания. Более того, данный вид учебной работы оказывает комплексное развивающее воздействие на когнитивную сферу личности, поскольку предполагает реализацию таких мыслительных процессов, как анализ, сопоставление, интерпретация и критическое осмысление воспринимаемой информации, а также обеспечивает благоприятные предпосылки для формирования аргументированной позиции средствами

иностранного языка. Вместе с тем особого внимания заслуживает тот факт, что включение индивидуального опыта обучающихся в процесс обсуждения рассматриваемой проблематики способствует повышению уровня субъективной значимости выполняемого задания и, соответственно, усилению внутренней мотивации к осуществлению речевой деятельности. Таким образом, подкасты представляется целесообразным рассматривать не только как источник актуального языкового материала, но и в качестве эффективного средства интенсификации процесса формирования содержательного, логически выстроенного и коммуникативно оправданного высказывания, соответствующего современным целям и задачам иноязычного образования [5].

Особого внимания заслуживает социокультурный потенциал подкастов как образовательного инструмента. Аутентичные аудиоматериалы позволяют транслировать особенности повседневной жизни, ценностные ориентиры и модели поведения представителей иной языковой культуры. Так, например, подкаст на тему «Daily routines of British students» предоставляет возможность познакомиться со спецификой школьной жизни британских учащихся и сопоставить её с особенностями национальной образовательной системы. Подобное сопоставление способствует развитию межкультурной компетентности и формированию уважительного отношения к представителям другой культуры. В связи с этим подкасты могут рассматриваться не только как средство обучения иностранному языку, но и как действенный инструмент социокультурного развития личности обучающегося. Освоение социокультурной информации посредством аудиоматериалов способствует формированию целостного представления о стране изучаемого языка и снижает вероятность возникновения стереотипных представлений о культурных явлениях [7, с. 50].

Следует подчеркнуть, что организация образовательного процесса с использованием подкастов предполагает реализацию методически обоснованной и логически структурированной системы взаимосвязанных этапов работы. Прежде всего, на предаудитивном этапе преподаватель осуществляет целенаправленную подготовку обучающихся к дальнейшему восприятию аудиоматериала посредством актуализации имеющихся фоновых знаний, а также введения ключевых лексических единиц, необходимых для полноценного понимания содержания текста. Так, например, на подготовительном этапе работы с подкастом, посвящённым тематике путешествий, обучающимся может быть предложено обсудить вопрос «What makes a trip memorable?» и сформулировать собственные предположения относительно вероятного содержания предстоящего аудиосообщения. Как показывает педагогическая практика, подобная методическая технология способствует формированию устойчивой учебной мотивации и одновременно позволяет минимизировать уровень затруднений, возникающих в процессе восприятия аудиоматериала [1, с. 48]. В этой связи представляется необходимым отметить, что предварительная работа обеспечивает создание соответствующей когнитивной основы для последующего эффективного восприятия информации и способствует формированию определённых прогнозируемых ожиданий относительно

содержания прослушиваемого подкаста. Более того, актуализация тематически значимой лексики, а также связанных с ней представлений и ассоциаций обеспечивает более осознанный, целенаправленный и результативный характер процесса аудирования. Вследствие этого обучающиеся выступают не в роли пассивных слушателей, а в качестве активных субъектов аналитической деятельности, ориентированной на извлечение, осмысление и интерпретацию информации. Непосредственно этап аудирования предполагает восприятие содержания подкаста и выполнение комплекса заданий, соответствующих поставленным образовательным задачам. В тех случаях, когда основной целью является понимание общего содержания сообщения, обучающимся предлагается определить тему и основную мысль высказывания. Если же требуется более глубокое и детализированное понимание аудиотекста, используются задания на заполнение пропусков, выбор корректных вариантов ответа либо установление различных видов соответствий. Последующий этап ориентирован на осмысление, аналитическую обработку и дальнейшую интерпретацию полученной информации. На данной стадии представляется целесообразным применение заданий, связанных с обсуждением содержания прослушанного материала, моделированием коммуникативных ситуаций и выполнением разнообразных письменных упражнений. Например, обучающимся может быть предложено подготовить краткое изложение содержания подкаста либо составить диалог на основе прослушанного материала. Подобная работа способствует закреплению языковых средств и дальнейшему развитию продуктивных речевых умений.

Эффективность использования подкастов в образовательном процессе в значительной степени определяется грамотностью выбора учебного материала. Аудиоматериалы должны соответствовать уровню языковой подготовки обучающихся и содержательным требованиям образовательной программы. Чрезмерно сложные тексты, содержащие большое количество незнакомой лексики и сложных грамматических конструкций, способны существенно затруднить процесс восприятия и негативно повлиять на учебную мотивацию. В то же время чрезмерно упрощённые материалы не обеспечивают необходимой степени познавательной активности и не способствуют дальнейшему развитию языковых навыков. В связи с этим отбор подкастов требует научно обоснованного методического подхода с обязательным учётом возрастных, психологических и индивидуальных особенностей обучающихся. Учёт данных факторов создаёт благоприятные условия для положительного эмоционального восприятия учебного материала. Интересный и доступный по содержанию подкаст способствует поддержанию устойчивого интереса к изучению иностранного языка. Следовательно, процесс выбора аудиоматериалов необходимо рассматривать как один из важнейших компонентов методического проектирования учебного процесса [3].

Использование подкастов в образовательной практике сопряжено с рядом объективных трудностей. К числу лингвистических сложностей относятся особенности произношения, высокая скорость речевого потока и наличие значительного количества разговорной лексики. Обучающиеся,

ориентированные преимущественно на нормативный вариант английского языка, зачастую испытывают определённые затруднения при восприятии региональных вариантов произношения. Экстралингвистические трудности, в свою очередь, обусловлены недостаточным объёмом фоновых знаний. Например, подкаст, посвящённый актуальным политическим процессам в Соединённых Штатах Америки, может оказаться сложным для понимания без предварительного знакомства с соответствующим историческим и социальным контекстом. В подобных случаях возникает необходимость в проведении подготовительной работы, направленной на введение ключевых понятий, культурных реалий и справочной информации. Преодоление указанных трудностей предполагает систематическое развитие стратегий аудирования и последовательное расширение культурного кругозора обучающихся [1, с. 64]. Следует отметить, что поэтапное включение в образовательный процесс аудиоматериалов различной степени сложности способствует постепенной адаптации обучающихся к восприятию естественной иноязычной речи в её подлинном коммуникативном функционировании. В связи с этим возникающие в процессе работы трудности нецелесообразно рассматривать как фактор, препятствующий использованию подкастов в обучении, поскольку они выступают объективным компонентом образовательного процесса, требующим соответствующего методического сопровождения, систематического учёта и педагогически обоснованной коррекции.

Несмотря на наличие вышеуказанных затруднений, необходимо подчеркнуть, что подкасты обладают значительным образовательным и педагогическим потенциалом. Прежде всего, они обеспечивают практическую реализацию принципа коммуникативной направленности обучения, поскольку их содержание ориентировано на отражение реальных речевых ситуаций, возникающих в естественной языковой среде. Наряду с этим использование подкастов способствует реализации принципа аутентичности благодаря включению образцов живой разговорной речи, функционирующей в естественных условиях коммуникации. Кроме того, как показывают результаты современных исследований, подкасты оказывают существенное влияние на развитие автономности обучающихся, поскольку могут эффективно использоваться не только в рамках аудиторной деятельности, но и в процессе самостоятельного изучения иностранного языка [6]. В данном случае обучающиеся получают возможность самостоятельно осуществлять отбор материалов, регулировать индивидуальный темп обучения и определять степень глубины освоения изучаемого содержания. Особую актуальность данное преимущество приобретает в условиях дистанционного и смешанного форматов обучения. Более того, самостоятельная работа с подкастами способствует формированию ответственности за результаты собственной учебной деятельности, а также развитию навыков её планирования и организации. Следовательно, рассматриваемый образовательный ресурс может быть охарактеризован как эффективное средство обеспечения непрерывности языкового образования, выходящего за рамки традиционного учебного процесса и способствующего формированию устойчивой установки на обучение в течение

всей жизни.

Таким образом, с научно-методической точки зрения представляется обоснованным рассматривать подкасты в качестве высокоэффективного инструмента развития коммуникативной компетенции обучающихся, интегрирующей языковой, речевой и социокультурный компоненты. Их систематическое использование обеспечивает создание благоприятных дидактических условий для совершенствования навыков восприятия естественной иноязычной речи, расширения активного и пассивного словарного запаса, а также поэтапного формирования устойчивых умений продуцирования логически связного устного высказывания. Вместе с тем необходимо учитывать, что подкасты не следует интерпретировать как универсальное средство обучения, способное полностью удовлетворить образовательные потребности, вследствие чего их применение должно осуществляться в сочетании с иными методическими подходами и учебными ресурсами. В этой связи комплексное включение подкастов в целостную систему языковой подготовки позволяет в значительной степени усилить её практико-ориентированную направленность. Более того, их использование наряду с традиционными средствами обучения способствует обеспечению оптимального соотношения между структурированным и аутентичным языковым материалом, что, согласно данным педагогической практики, создаёт предпосылки для достижения более высоких образовательных результатов в процессе овладения иностранным языком [2, с. 27].

Подкастинг как средство обучения английскому языку представляет собой перспективное направление развития современной методики преподавания иностранных языков. Использование подкастов способствует повышению мотивации обучающихся, расширению их социокультурного кругозора и созданию условий для формирования устойчивых навыков аудирования и говорения. Подкасты обеспечивают доступ к аутентичному языковому материалу и моделируют реальные ситуации общения, что способствует развитию коммуникативной компетенции. В то же время их применение требует методически обоснованного подхода, включающего тщательный отбор материалов и продуманную организацию работы на всех этапах. Эффективность подкастинга определяется соответствием контента уровню подготовки обучающихся и степенью интеграции данного ресурса в общую систему обучения. Следовательно, подкасты могут рассматриваться как значимый элемент современной образовательной среды и как средство повышения качества иноязычного образования при условии их целенаправленного и систематического использования. Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой конкретных методик работы с подкастами и созданием учебных комплексов на их основе. Особый научный интерес представляет изучение влияния подкастинга на уровень мотивации и автономности обучающихся, что позволяет рассматривать подкасты не только как вспомогательный инструмент, но и как полноценный компонент методической системы обучения иностранному языку.

Список литературы

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: ИКАР, 2021. – 448 с.
2. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам: лингводидактика и методика. – М.: Академия, 2023. – 336 с.
3. Зимняя И.А. Психология обучения иностранным языкам в школе. – М.: Просвещение, 2020. – 304 с.
4. Полат Е.С., Бухаркина М.Ю., Моисеева М.В., Петров А.Е. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования. – М.: Академия, 2022. – 272 с.
5. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций. – М.: АСТ: Астрель, 2021. – 384 с.
6. Сысоев П.В. Методика обучения иностранным языкам с использованием интернет-технологий. – М.: Флинта, 2010. – 220 с.
7. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000. – 261 с.

УДК 811.112.2

ОБУЧЕНИЕ СТРАТЕГИЯМ И РАЗВИТИЕ АВТОНОМИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Боргунаева Р.А.,

*студент 3 курса факультета иностранных языков
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
borgunaevaraana@gmail.com*

Махашева Д.Р.,

*старший преподаватель кафедры «Немецкий язык»
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
dagmara_makhasheva@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются различные типы стратегий, применяемые при изучении немецкого языка. Анализируются метакогнитивные, аффективные, социальные и когнитивные стратегии, включая стратегии запоминания, обработки речи, использования языка, а также стратегии понимания текстов (аудирование и чтение) и компенсационные стратегии. Описываются основные типы обучающихся (визуальный, аудиальный, тактильный, кинестетический, абстрактно-вербальный, коммуникативный) и необходимость учёта индивидуальных предпочтений в учебном процессе. Приводятся практические примеры применения стратегий, способствующие переходу лексики из пассивного в активный словарный запас.

Ключевые слова: стратегии изучения языка, когнитивные стратегии, метакогнитивные стратегии, аффективные стратегии, социальные стратегии, типы обучающихся, понимание текста, компенсационные стратегии.

TEACHING STRATEGIES AND DEVELOPING LEARNERS' AUTONOMY

Borgunayeva R.A.,

*3rd-year Student of the Faculty of Foreign Languages
Kadyrov Chechen State University*

Makhasheva D.R.,

*Senior Lecturer of the German Language Department
Kadyrov Chechen State University*

Abstract. The article examines various types of strategies used in learning German. It analyzes metacognitive, affective, social, and cognitive strategies, including strategies for memorization, speech processing, language use, as well as strategies for text comprehension (listening and reading) and compensation strategies. The main learner types (visual, auditory, tactile, kinesthetic, abstract-verbal, communicative) are described, along with the necessity of considering individual preferences in the teaching process. Practical examples of strategy application are provided, facilitating the transfer of vocabulary from passive to active use.

Keywords: language learning strategies, cognitive strategies, metacognitive strategies, affective strategies, social strategies, learner types, text comprehension, compensation strategies.

В процессе изучения иностранного языка обучающиеся нередко сталкиваются с ситуациями коммуникативных затруднений, что может приводить к снижению мотивации и непониманию между участниками диалога. Широко известна ситуация, при которой «изучающий немецкий язык не понимает собеседника, сообщает о недостаточном владении языком и обращается с просьбой повторить сказанное. Собеседник повторяет свою реплику, несколько повышая голос и, возможно, замедляя темп речи, а иногда прибегает к более сложным языковым конструкциям, поскольку не осведомлён о более эффективном способе действия. Изучающий немецкий язык по-прежнему не понимает услышанного. Как правило, после нескольких повторов мотивация к продолжению разговора снижается у обоих участников». Нередко изучающие немецкий язык также имитируют понимание с целью избегания неловкой ситуации. Тем не менее, такое поведение может повлечь за собой крайне негативные последствия, например, в профессиональной среде, когда речь идёт о понимании рабочих инструкций [2, с. 131].

Описанная ситуация может восприниматься как безнадёжная, однако это не так: оба участника могли бы применить стратегии, позволяющие предотвратить коммуникативный сбой и исправить положение. Изучающий немецкий язык мог бы, в частности, опереться на «островки понимания» и задать уточняющий вопрос: «Извините, что случилось с машиной?». Он мог бы также выдвинуть гипотезу и сформулировать её: «Правильно ли я понял, что вам нужен мой телефон?». Данные стратегии способны помочь обучающимся найти выход из неловкой ситуации [2, с. 131].

Однако, что именно представляет собой стратегия в данном контексте? При стратегическом мышлении субъект обладает целью и разрабатывает методы и действия, приближающие к её достижению: стратегия представляет собой ментальный план реализации цели. Стратегии предназначены для облегчения обучающимся как доступа к языку, так и его использования, а также для достижения целей языковой деятельности [2, с. 132].

Метакогнитивные стратегии связаны с управлением организационными рамками обучения. Чем выше уровень формального образования, тем в большей степени обучающиеся осознают данный самоконтроль и тем более естественно применяют эти стратегии. Если обучающиеся обладают небольшим опытом формального обучения (например, не изучали иностранные языки в школе), то приобретение и рефлексия метакогнитивных стратегий также являются важными, поскольку они чрезвычайно полезны в процессе обучения. Хотя в учебных пособиях метакогнитивные стратегии рассматриваются редко, они могут иметь решающее значение для успешности обучения [2, с. 132].

До и в процессе непосредственного обучения важно создать условия, которые в первую очередь делают его возможным. К числу таких условий относятся, например, выбор и создание подходящей учебной среды, устранение отвлекающих факторов, распределение учебного материала, мониторинг учебного процесса, а также контроль успеваемости [2, с. 132].

Лица, испытывающие усталость, стресс или эмоциональное расстройство, демонстрируют низкую способность к концентрации внимания. Наилучшие

волевые усилия в подобных случаях оказываются бесполезными. Однако каков оптимальный способ достижения «всплеска концентрации» и обеспечения его перехода в устойчивый «поток»? По истечении какого промежутка времени требуется перерыв и какой должна быть его продолжительность? [2, с. 133].

Правильная учебная среда часто связана с эмоциональными и социальными условиями. В литературе метакогнитивные, аффективные и социальные стратегии частично рассматриваются как равноправные и обозначаются как косвенные стратегии. Даже если аффективные и социальные факторы не всегда поддаются контролю, они играют значительную роль в успешности обучения и должны быть приняты во внимание [3, с. 6].

Всё, что вызывает эмоциональный отклик, лучше закрепляется в памяти. Данный принцип также может быть использован в процессе обучения, например, посредством:

- эмоционально окрашенного языка;
- стимулирования эмоциональной речевой продукции;
- юмора;
- использования музыки и т. д. [2, с. 134].

Не каждый обучающийся способен эффективно осваивать материал в одиночку; часто полезно создавать учебные группы или обучающие тандемы. Совместное обучение предоставляет возможность обмениваться учебным материалом, что, как правило, ведёт к более качественному усвоению. Кроме того, участники могут задавать друг другу вопросы и устранять пробелы с помощью дополнительных знаний. Обучающимся следует предлагать определять, в каких случаях им предпочтительнее заниматься самостоятельно, а в каких – в сотрудничестве с другими [2, с. 133].

Когнитивные стратегии обучения (также: стратегии прямой обработки информации) применяются непосредственно при взаимодействии с учебным материалом. Современные учебные пособия, как правило, обучают многим стратегиям в данной области. Когнитивные стратегии можно подразделить на стратегии запоминания, стратегии обработки речи и стратегии использования языка [2, с. 133].

Одной из наиболее значительных проблем в изучении языка, несомненно, является запоминание учебного материала, особенно в том, что касается словарного запаса, идиоматических выражений и грамматических структур. В этой связи существует множество способов облегчить процесс обучения:

- Контекстуализация – материал, изучаемый в контексте, запоминается лучше.
- Сенсорное (чувственное) усвоение – информация, воспринимаемая на слух, зрительно, на вкус, на запах и т. д., запоминается легче.
- Повторение – ежедневное непродолжительное повторение обеспечивает больший кумулятивный эффект усвоения, чем интенсивная подготовка перед экзаменом.

- Применение на практике – только опора на реальность и потребности обучающихся способствует сохранению материала в долговременной памяти [2, с. 134].

Существуют различные виды деятельности, способствующие тому, чтобы обучающиеся максимально полно ознакомились с имеющимся языковым материалом и активно использовали его для изучения немецкого языка. К числу таких видов деятельности относятся, в частности:

- структурирование (например, путём выделения или разделения материала);
- анализ и применение правил (например, извлечение лексики из контекста или с помощью словообразовательных моделей);
- использование вспомогательных средств (например, словарей или учебных пособий) [2, с. 134].

Многие обучающиеся привыкли искать каждое незнакомое слово в словаре – это весьма традиционная и широко распространённая стратегия. Однако значения слов, как правило, забываются столь же быстро, как и находятся. Обучающемуся можно напрямую предложить извлечь значение нового важного слова из контекста. Благодаря такому упражнению новая лексика также лучше усваивается долговременной памятью [2, с. 135].

Стратегии приобретают особую значимость при понимании текстов на слух (аудировании) и при чтении. Ниже приведены наиболее важные из них:

- активация предварительных знаний;
- формулирование ожиданий относительно содержания текста;
- использование невербальной информации для понимания текста;
- сосредоточение внимания на известном материале;
- восприятие через глобальные и выборочные вопросы [2, с. 135].

Стратегии языковой обработки помогают понять основные аспекты текста не только на занятиях для начинающих – даже при отсутствии понимания каждого отдельного слова, – но и в «реальной» жизни, когда возникает необходимость в анализе сложных текстов.

Целями стратегий использования языка являются, в частности:

- компенсация дефицита знаний;
- поддержание коммуникации;
- обеспечение понимания;
- предотвращение угрозы прерывания общения [2, с. 135].

Стратегии использования языка могут также применяться на этапе подготовки к речевым действиям, например, посредством планирования высказываний и составления заметок.

Функционированию коммуникации способствуют и другие элементы речевой деятельности, такие как:

- активное слушание;
- вербальные и невербальные сигналы обратной связи (зрительный контакт, мимика, жесты);

- формулы вежливости (например, косвенные вопросы или использование сослагательного наклонения);
- светская беседа (для инициирования разговора или его поддержания) [2, с. 136].

Особое значение в преодолении коммуникативных барьеров и повышении эффективности овладения языком приобретают стратегии обучения, которые могут использоваться как осознанно, так и неосознанно. Многие стратегии применяются неосознанно, например, формирование грамматических правил. Данный феномен хорошо наблюдается у детей младшего возраста, особенно в случаях возникновения ошибок и явлений сверхобобщения (например, «*ich stehte*» вместо «*ich stand*» или «*ich hab gegeht*» вместо «*ich bin gegangen*»). Взрослые, изучающие иностранные языки, также прибегают к обобщениям. Тем не менее, большая часть полезных стратегий осваивается осознанно исключительно в рамках языковых занятий, например, изучение лексики с помощью карточек или обучение в движении [2, с. 132].

Питер Биммель предлагает обучение стратегиям, включающее четыре этапа:

- информирование о существующих стратегиях обучения;
- ориентация на применение (новой) стратегии;
- тестирование и отработка (новой стратегии);
- повышение осведомлённости (о новой стратегии) [3, с. 9].

Хотя в большинстве учебных пособий стратегии представлены и практикуются, в них часто отсутствует активация предшествующих знаний и активная работа со стратегиями в смысле их переноса (трансфера) или побуждения обучающихся к рефлексии относительно того, желают ли они использовать данную стратегию в своём учебном процессе. Обучающиеся иногда относятся к стратегиям обучения скептически – например, маркировка артиклей разными цветами или раскрашивание изображений для запоминания лексики кажутся им инфантильными и лишёнными смысла. В этой связи четвёртый шаг – осознание стратегий – является крайне важным: когда обучающиеся убеждаются в полезности стратегий, они охотно применяют их. Именно поэтому важно делать успехи в обучении наглядными – например, с помощью небольшого теста до и после применения стратегии обучения [2, с. 136].

Ключевой целью преподавания иностранных языков является содействие автономии обучающихся. Чем лучше обучающиеся осознают свой тип обучения и чем большими знаниями в области стратегий они обладают, тем более самостоятельными они могут быть как в аудиторных условиях, так и вне их. Именно поэтому важно поддерживать приобретение стратегий, их применение и самостоятельное принятие решений относительно их использования [2, с. 139].

Однако потребность в автономном обучении включает в себя гораздо большее, чем просто использование стратегий; речь идёт, скорее, о зрелом обучающемся, который не только информирован о процессе обучения, но и участвует в его организации и принятии решений. Автономное обучение всегда

связано с самими обучающимися, что делает его полезным и эффективным. Кроме того, автономное обучение предоставляет возможность продолжать учебную деятельность вне учебной ситуации и без участия преподавателя, а также позволяет поддерживать процесс овладения языком в постоянно активном состоянии [2, с. 139].

Способов поощрения автономного обучения существует множество. Преподавателю необходимо предлагать свободу выбора, когда это возможно: в отношении текстов, заданий, тем, проектов, социальных форм работы и т. д. Обучающиеся должны иметь возможность прорабатывать материал максимально самостоятельно. А преподаватель берет на себя роль фасилитатора, сопровождающего в процессе обучения [2, с. 139].

Таким образом, целенаправленное обучение стратегиям, учитывающее индивидуальные предпочтения и типы обучающихся, способствует не только улучшению понимания иноязычного текста и речи, но и развитию автономии в учебном процессе. Интеграция стратегического подхода в преподавание иностранного языка создаёт основу для перехода от аудиторного обучения к автономному, самостоятельному овладению языком вне учебной ситуации. Резюмируя вышесказанное, можно утверждать, что содействие осознанному применению стратегий и предоставление обучающимся свободы выбора являются необходимыми условиями для формирования зрелого, самостоятельного и постоянно действующего процесса овладения иностранным языком.

Список литературы

1. Karin Aguado, Claudia Riemer (2010): Lernstile und Lernertypen. In: Hans-Jürgen Krumm, Christian Fandrych, Britta Hufeisen, Claudia Riemer: Deutsch als Fremd- und Zweitsprache. Ein internationales Handbuch. Berlin/New York. Bd. 1.
2. Michaela Brinitzer, Hans-Jürgen Hantschel, Sandra Kroemer, Monika Möller-Frorath, Lourdes Ros (2016): DaF unterrichten. Stuttgart: Ernst Klett Sprachen.
3. Peter Bimmel (2012): Lernstrategien – Bausteine der Lernerautonomie. In: Fremdsprache Deutsch: Lernstrategien. Heft 46.

УДК 811.133

СРЕДСТВА МОДАЛЬНОСТИ, ВЫРАЖАЮЩИЕ СОЖАЛЕНИЕ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. САГАН

Баталова Л.Х.,

студентка 4 курса факультета иностранных языков
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
e-mail: liii.sana@mail.ru

Юсупова С.С.-А.,

кандидат филологических наук, доцент кафедры «Романские языки»
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
e-mail: lane.yusupova.71@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена роли средств выражения модальности сожаления в творчестве Франсуазы Сеган. На материале романов «*Bonjour, tristesse!*» («Здравствуй, грусть!»), «*Un certain sourire*» («Смутная улыбка») и «*Un peu de soleil dans l'eau froide*» («Немного солнца в холодной воде») рассматриваются лексические, грамматические и синтаксические особенности передачи сожаления во французском языке. Следует отметить особую роль условного наклонения (*Conditionnel passé*), конструкции с *si*, а также лексики с семантикой утраты и опустошенности, используемой писательницей, в создании достоверных образов своих персонажей и передаче их внутреннего мира и экзистенциального одиночества.

Ключевые слова: модальность, сожаление, *Conditionnel*, субъективная модальность, объективная модальность, лексические средства, синтаксис, образность.

THE MEANS OF MODALITY EXPRESSING REGRET IN THE FRENCH IN THE WORKS OF F. SAGAN

Batalova L.Kh.,

4th year student of the Faculty of Foreign Languages
Kadyrov Chechen State University

Yusupova S.S.-A.,

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Romance Languages Department
Kadyrov Chechen State University

Abstract. This article focuses on the role of means of expressing the modality of regret in the works of Françoise Sagan. Using the novels «*Bonjour, tristesse!*», «*Un certain sourire*», «*Un peu de soleil dans l'eau froide*», the article explores the lexical, grammatical and syntactic features of conveying regret in the French language. It should be noted that the conditional mood (*Conditionnel passé*), the construction with *si*, as well as the vocabulary with the semantics of loss and emptiness used by the writer, play a special role in creating authentic images of her characters and conveying their inner world and existential loneliness.

Keywords: modality, regret, *Conditionnel*, subjective modality, objective modality, lexical means, syntax, imagery.

Модальность (от лат. *Modus* – способ, мера) – функционально-семантическая категория, выражающая отношение говорящего к содержанию высказывания и отношение самого высказывания к действительности [1].

Понятие модальности пришло в лингвистику из классической формальной логики, откуда лингвистика заимствовала и другие понятия.

Основной идеей категории модальности является оценка реальности или нереальности действия.

В область модальности также входят значения, отражающие цели высказывания (информирование, вопросы, призывы), различие между утверждениями и отрицаниями, уверенность говорящего в правильности своих мыслей, различные способы связи между подлежащим и сказуемым, выраженные словами, как «может», «имеет», «хочет», «должен» и т. д.

Модальность видоизменяет факт, излагаемый в пропозиции, представляя его как необходимый, возможный или действительный. Например, *Il est nécessaire que Paul vienne* (Необходимо, чтобы Поль пришел) – это пропозиция *Paul vient* (Поль приходит), видоизмененная понятием необходимости.

Модальность выступает показателем познавательной активности субъекта, направленной на определенный аспект действительности. Она раскрывает субъективный аспект данной активности, обусловленный индивидуальным складом говорящего и проявляющийся в высказывании, зачастую – в скрытой, не выраженной прямо словесной форме.

Использование этого понятия, как правило, связано с логико-семантическим или психологическим подходом к анализу языковых явлений.

В модальности различают несколько типов. «Типы модальности связаны с коммуникативной направленностью высказывания: алетическая (возможность/действительность) – с повествовательностью, эпистемическая (знание/сомнение) – с вопросительностью, деонтическая (обязательность/желательность) – с побудительностью и оптативностью.

Алетическая модальность соотносится с понятием бытия. Эпистемическая модальность отражает уверенность или сомнение в событии, его доказуемость или недоказуемость. Деонтическая модальность (*il est obligatoire – il est permis – il est interdit*) связана с орудийной функцией языка, с предписыванием действий и вместе с тем с обращенностью к будущему, с возможностью» [2].

Помимо этих типов выделяются интерсубъективные и оценочные модальности. Аппрециативные модальности (Kerbrat-Orecchioni, 1980) выражают субъективные оценки и суждения говорящего и связаны с определенной нормой.

Понятие модальности не является новым, оно восходит к древнегреческой философии.

Слово «модальность» своим происхождением уходит к латинскому корню *modus*, означающему «мера» или «способ действия». В научную речь это понятие вошло еще в античные времена, в трудах Аристотеля, который глубоко изучал категории возможного и необходимого.

Древнегреческий философ Теофраст, ученик Аристотеля, продолжил дело своего наставника и сделал шаг вперед в развитии логического понятия

модальности. Это означало, что оценка стала характеризовать не отдельные части, а все содержание высказывания. Этот принцип получил выражение в языке через модальные слова.

Модальные слова – это неизменяемые слова, выражающие субъективное отношение говорящего к содержанию высказывания, оценивающие степень достоверности (уверенность, сомнение, вероятность) или эмоциональную реакцию.

Модальные слова не называют предметы или явления. Они утратили собственное лексическое значение и не являются членами предложения. Их задача – передавать добавочную модальность высказывания в целом или какой-либо его части. По своему значению они делятся на слова уверенности и слова вероятности.

Выражение отношения говорящего к содержанию высказывания в языке выполняют и другие, грамматически отличные от них элементы, к примеру, модальные глаголы.

Модальные глаголы – это особая группа вспомогательных глаголов, которые не описывают действие, а выражают отношение к нему. Они не изменяются по лицам и числам и употребляются со смысловыми глаголами.

Модальность в языке выходит за рамки лишь глагольной семантики. Когда отношение говорящего к высказыванию выходит за пределы простой структуры «субъект – глагол – объект» и требует отдельного логического оформления – оценки истинности или необходимости всей пропозиции целиком, – на смену глагольной форме приходит более сложная синтаксическая и логическая конструкция.

В таких случаях речь идет не просто о слове в предложении, а об объединенной структуре, где план содержания и план оценки формально отделены друг от друга. Именно здесь и возникает понятие модального высказывания.

Модальное высказывание – суждение, содержащее оценку степени достоверности, необходимости, возможности, обязательности или желательности описываемой ситуации.

Модальность приобретает различные интерпретации в зависимости от подхода.

Лингвистика анализирует модальность как общее понятие и изучает способы ее выражения. Когда-то модальность понимали довольно просто: как отношение человека, который говорит, к тому, что именно он произносит. И в этом, если вдуматься, кроется нечто очень важное о природе самой речи.

Любое высказывание подразделяется на две составляющие. Первая – это чистая информация, фактическая начинка, то, что лингвисты называют диктумом. Вторая – сама личность говорящего, его голос, его угол зрения, или, выражаясь научно, модус. Внутри предложения эти два мира – объективный и субъективный – не просто сосуществуют, а находятся в постоянном напряжении, в своего рода отталкивании друг от друга. Этот внутренний разлом, по всей видимости, берется из самой природы человеческого сознания, которому

свойственно проводить границы между собственным «я» и всем, что лежит за его пределами, – между «я» и «не-я».

Различают три аспекта модальности. Первый – это связь между содержанием фразы и реальным положением дел в мире. Второй – уже упомянутая личная позиция говорящего, его взгляд на сообщаемое. И третий – отношение самого деятеля к тому действию, которое он совершает или намеревается совершить.

Модальность может выражаться формами наклонения, модальными словами, модальными глаголами и интонацией.

Модальные значения разнообразны: это эмоциональная и интеллектуальная оценка, оценка достоверности, степень обычности, источник сообщения и характеристика высказывания. Модальность включает уверенность, неуверенность, эмоциональную окраску и выразительность.

Природа категории модальности является дискуссионной. Модальность как универсалия отражает суть человеческой речи. Центральным элементом становится оценочность.

В. Виноградов выделил субъективную и объективную модальность.

Объективная модальность – обязательный признак любого высказывания, одна из категорий, формирующих единицу – предложение. Объективная модальность выражает отношение сообщаемого к действительности в плане реальности (осуществляемости или осуществленности) и ирреальности (неосуществленности) [1].

Центральным элементом является наклонение глагола. Реальные наклонения отражают факты действительности, а ирреальные – возможные или желаемые ситуации. Под субъективной модальностью понимается личностное отношение говорящего к сообщаемому. В отличие от объективной модальности, выступающей обязательной характеристикой всякого высказывания, субъективная ее разновидность носит факультативный характер. Она связана с эмоциональным оцениванием и интерпретативной деятельностью сознания. Средства, обслуживающие сферу субъективно-модальных смыслов, открывают доступ к пониманию позиции говорящего и позволяют судить о прагматическом воздействии речевого акта.

Одним из самых ярких проявлений модальности выступает оценка – категория, без которой язык попросту немислим. Известный лингвист Г.В. Колшанский точно подметил: оценка прячется везде, где человек соприкасается с окружающей действительностью (Колшанский, 1990). И в самом деле: мы постоянно – осознанно или нет – пропускаем мир через сито собственных ценностей. Из бесконечного калейдоскопа вещей и событий каждый из нас выхватывает лишь то, что для него значимо, что задевает за живое, что имеет вес именно в его системе координат.

Оценка человеком поступков – своих или чужих – неизбежно опирается на некий внутренний компас. Ответы на вопросы «Что такое хорошо и что такое плохо?» нам диктует общество, в котором мы живем, его моральные устои и нравственные ориентиры. Любое свойство характера или действие моментально получает вердикт – положительный или отрицательный – и происходит это по

тем законам, которые вырабатывались веками и которые закрепились в коллективном сознании. Иными словами, оценка никогда не бывает абсолютно свободной: за ней всегда стоит социум с его нормами, традициями и представлениями о должном. Всякий раз, вынося суждение, мы – пусть и невольно – сверяемся с той шкалой ценностей, которую усвоили, живя среди людей.

Любой продукт речи предполагает наличие субъекта. Он может быть явно обозначен, например, с помощью местоимения «я», или же его присутствие подразумевается через эмоционально окрашенную лексику и выражение собственных мнений.

Модальность выражает интерпретацию события как действительного, возможного или желаемого [4].

Главные мотивы творчества Франсуазы Саган – любовь и одиночество. Художественный мир писательницы отличался редкой целостностью и узнаваемостью. Действие ее романов почти неизменно разворачивается в среде состоятельной французской буржуазии, чья внешне беззаботная жизнь скрывает внутреннюю пустоту и эмоциональное опустошение. Герои Саган – это, как правило, люди, утратившие способность к глубокой привязанности и плывущие по течению обстоятельств. Их поступки чаще всего вызваны не моральными нормами, а импульсом, скукой или стремлением заглушить экзистенциальную тревогу.

Проза Саган отличается предельной сжатостью и точностью. Короткие предложения, точные психологические акценты и способность одной репликой передать пропасть непонимания между людьми стали ее визитной карточкой. Именно эта стилистическая сдержанность обеспечивала диалогам эффект подлинности.

Автор избегает прямого названия эмоций. Герои Саган нередко выражают сожаление. Сожаление появляется как результат анализа уже совершенных поступков. Сожаление выступает не просто эмоцией, а формой бытия персонажей.

Сожаление – одно из основных чувств персонажей. Герои остро ощущают свою ненужность, неудачливость и непонятость.

Лексические выражения средства модальности сожаления разнообразны. Саган избегает прямого употребления слова *regret* (сожаление). Чувства передаются косвенно через лексику синонимичной семантики. Например:

«Un malaise étrange s'installait en moi» – «Странное беспокойство поселялось во мне».

«Il me manquait d'une manière inattendue» – «Мне его не хватало неожиданным образом».

«Je ne savais plus très bien ce que je voulais» – «Я уже не очень-то и хорошо знал, чего хочу».

«Je me sentais étrangère à moi-même» – «Я чувствовала себя чужой самой себе».

«J'avais perdu une certaine insouciance» – «Я утратил некую беззаботность».

«Une sorte de remords me poursuivait» – «Меня преследовало что-то вроде угрызения совести».

«Je me sentais vide, comme après une erreur irréparable» – «Я чувствовал себя опустошенным, как после непоправимой ошибки».

«Une fatigue morale me gagnait» – «Мной овладевала душевная усталость».

«Tout cela me paraissait inutile» – «Все это казалось мне бесполезным».

«C'était fini depuis longtemps» – «Все было закончено уже давно».

Слова, связанные с утратой, пустотой и временем, формируют семантику сожаления. Неопределенность усиливает сложность переживания.

Грамматические структуры позволяют Саган передавать не только сам факт сожаления, но и его модальность – нереализованность, гипотетичность, субъективную оценку.

По мнению большинства лингвистов, основным способом выражения модальности во французском языке является наклонение, главным образом, Conditionnel:

«J'aurais dû réfléchir davantage» – «Мне следовало бы подумать больше».

«J'aurais pu partir» – «Я мог бы уйти».

«J'aurais peut-être dû attendre» – «Может быть, мне следовало подождать».

«Je n'aurais pas dû accepter» – «Мне не следовало соглашаться».

«J'aurais voulu être différent» – «Мне хотелось бы быть другим».

Конструкция с *si* формирует альтернативную реальность:

«Si j'avais compris, je n'aurais rien fait» – «Если бы я понял, я бы ничего не сделал».

«Si je l'avais quitté plus tôt...» – «Если бы я ушел от него раньше...».

Для передачи эмоциональной оценки используется также Subjonctif:

«Je regrette qu'il soit parti» – «Я сожалею, что он ушел».

«Il est dommage qu'elle ne comprenne pas» – «Жаль, что она не понимает».

Сочетание imparfait и plus-que-parfait позволяет передать сложную временную перспективу:

«Je pensais à ce que j'avais perdu sans m'en rendre compte» – «Я думал о том, что потерял, сам того не осознавая» [7].

Синтаксические средства. Сожаление выражено через структуру предложения (риторические вопросы, восклицания, антитеза, анафора, метафора как развернутая синтаксическая конструкция и т. д.)

Синтаксис в текстах Ф. Саган тесно связан с внутренней речью персонажей и часто имитирует поток сознания.

Риторические вопросы и восклицательные предложения играют важную роль:

«Pourquoi avais-je agi ainsi?» – «Почему я так поступил?»

В романе «Un certain sourire»:

«Que cherchais-je au juste?» – «Чего я, собственно, искал?»

«Que j'ai été imprudente!» – «Каким я был неосторожным!»

«Quelle erreur!» – «Какая ошибка!»

«Rien à faire» – «Ничего не поделаешь».

Саган также активно использует в тексте повтор. Например:

«Je pensais à lui, je pensais à nous, je pensais à ce qui n'existait plus» – «Я думала о нем, я думала о нас, я думала о том, чего больше не существовало» [6]. Повтор усиливает эмоциональное напряжение и подчеркивает заикленность героини на прошлом.

В некоторых случаях Саган использует развернутые синтаксические конструкции, в которых мысль развивается постепенно:

«Je me rendais compte, peu à peu, que ce que j'avais pris pour de la légèreté n'était qu'une forme d'indifférence» – «Я постепенно осознавала, что то, что я принимала за легкость, была лишь формой безразличия».

Такое «развертывание» мысли воспроизводит процесс осознания и усиливает психологическую достоверность характера персонажа.

Таким образом, синтаксическое выражение сожаления у Саган строится на имитации внутренней речи и потока сознания, где риторические вопросы, восклицания, обрывочные фразы и повторы передают мучительный самоанализ и постепенное осознание ошибки.

Рассмотренные примеры подтверждают значимость чувства сожаления в жизни героев Франсуазы Саган – сожаления о совершенных поступках или упущенных возможностях, неправильном жизненном выборе. Для выражения модальности сожаления автор использует весь набор средств: лексических, грамматических и синтаксических.

Список литературы

1. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В.В. Виноградов // Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. – 468 с.
2. Воробьева С.В. Модальность. Гуманитарный портал / С.В. Воробьева, В.Н. Костюк. – URL: www.gtmarket.ru/concepts/7023/, 2020.
3. Елифанцева Н.Г. Модальность и средства ее выражения во французском и русском языках. // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2025. – С. 38–43.
4. Bally Ch. Linguistique générale et linguistique française / Ch. Bally. Berne: A. Francke S.A., 1987. – 438 p.
5. Dubois, Jean et al., Dictionnaire de linguistique, Paris, Larousse-Bordas/VUEF, 2002.
6. Путеводитель по романам Франсуазы Саган: Текст [электронный ресурс] // Эксмо: онлайн-журнал, 2018. Режим доступа: <https://eksmo.ru/articles/putevoditel-po-romanam-fransuazy-sagan-ID14464378/>. (дата обращения: 21.06.22).
7. <https://studfile.net/preview/13527335/page:16/>

УДК 809.27 (075.8)

КОНЦЕПТ «ЕДА» В РУССКИХ ПАРЕМИЯХ

Бисултанова Р.А.,

магистрант 2 курса факультета иностранных языков
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
e-mail: bisindira@mail.ru

Шамилева Р.Д.,

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
e-mail: razula.80@mail.ru

Зекиева П.М.,

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет»
e-mail: sekieva@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены способы репрезентации концепта «Еда» в русских паремиях (пословицах и поговорках), а также приведены различные точки зрения относительно точного определения термина «концепт». Проанализированы такие репрезентанты данного концепта, как хлеб, молоко, каша и др. и их роль в формировании ценностных приоритетов. Установлено, что в русских паремиях концепт «Еда» амбивалентен: с одной стороны, он символизирует достаток, гостеприимство и Божье благословение, с другой – служит признаком лени и бедности. Особое внимание уделено метафорическим переносам, в ходе которых пища становится способом оценки ситуаций, отношений, качеств человека.

Ключевые слова: концепт, термин, пословица, поговорка, анализ.

THE CONCEPT OF «FOOD» IN RUSSIAN PAROEMIAS

Bisultanova R.A.,

2nd year Master's student Faculty of Foreign Languages
Kadyrov Chechen State University

Shamileva R.D.,

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the English Language Department
Kadyrov Chechen State University

Zekieva P.M.,

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department of Foreign Languages
Chechen State Pedagogical University

Abstract. The article discusses the ways of representing the concept of «Food» in the Russian paroemias (proverbs and sayings) and presents various points of view regarding a precise definition of the term «concept». Such representatives of this concept «kasha», «moloko», «myaso», etc. have been analyzed for their role in the forming value priorities. It has been determined that in the Russian paroemias the concept of «Food» is ambivalent: on the one hand, it symbolizes abundance, hospitality

and God's blessing, on the other hand, it serves as a sign of laziness and poverty. Particular attention is devoted to metaphorical shifts during which food becomes a way of assessing the situation, relationships, human qualities.

Keywords: concept, term, proverb, saying, analysis.

В современных исследованиях термин «концепт» применяется часто, однако многочисленные упоминания этого понятия не привели к его четко определенному и однозначному толкованию. Учитывая, что дискуссия относительно проблемы концепта еще ведется среди современных лингвистов, чтобы определиться с трактовкой термина «концепт», рассмотрим подходы к его пониманию.

Толкование термина «концепт» коррелирует с данными по поводу его этимологии, так как свое происхождение он берет от латинского *conceptus*, что означает «понятие», от глагола *concipere* – «постигать, зачинать». Сегодня термин «концепт» широко применяется в различных научных дисциплинах, что привело к многостороннему его пониманию [2, с. 4].

Термин «концепт» функционирует в качестве междисциплинарной категории, находясь на стыке лингвистики, литературоведения, культурологии, этнопсихологии и ряда других научных областей. Наиболее активно он разрабатывается в рамках когнитивной психологии, когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, что отражает его ключевую роль в изучении взаимосвязи языка, мышления и культуры.

В каждой из этих дисциплин категория «концепт» получает специфическое определение и содержательное наполнение. В когнитологии, например, концепт трактуется как базовая аксиоматическая единица, выступающая в роли гиперонима по отношению к таким смежным понятиям, как схема, фрейм, сценарий, гештальт и др.

Концепт понимается как дискретная смысловая единица коллективного сознания, репрезентирующая объект реального или идеального мира и хранящаяся в национальной памяти языкового сообщества в форме усвоенного культурного субстрата. Данное понятие также соотносится с совокупностью смыслов, используемых человеком в мышлении и отражающих содержание его опыта, знаний и всей познавательной деятельности в виде структурированных «квантов» знания. Таким образом, концепт определяется и как глобальная ментальная единица, представляющая собой неделимый элемент структурированного знания, и как когнитивный посредник между вербальными знаками и внеязыковой реальностью [3].

Содержательную специфику концепта наиболее отчетливо можно выявить при его сопоставлении с более привычным и широкоупотребительным термином «понятие». Анализ научной литературы, посвящённой изучению концепта, позволяет утверждать, что он обладает значительно большей семантической ёмкостью и смысловой глубиной по сравнению с понятием. Ключевое различие между этими категориями заключается в следующем: если понятие представляет собой совокупность познанных существенных признаков объекта, то концепт – это ментальное, национально и культурно окрашенное образование. Его

содержательный план охватывает всю совокупность знаний об объекте, а план выражения включает в себя многообразие языковых средств (лексических, фразеологических, паремиологических и др.). Важно отметить, что не каждое понятие является концептом; концептами становятся лишь наиболее сложные и культурно значимые из них, составляющие основу картины мира определённого народа [4].

Согласно научной точке зрения, структура понятия в первую очередь базируется на логико-содержательном компоненте. В то же время концепт характеризуется дополнительным присутствием эмоционально-экспрессивного и оценочного «ореола». Он становится «объектом эмоционального отношения, симпатий и антипатий, а нередко и полем столкновения противоречивых представлений», что и обуславливает его более широкий объём по сравнению с понятием.

Подчёркивая культурную значимость концепта, исследователи отмечают его глубинную связь с ментальным миром человека, а следовательно, с историей и культурой. Этим определяется его специфическая природа: концепты представляют собой «коллективное достояние в сознании этноса, воплощение его духовной культуры» [4, с. 222].

Концепт обогащает семантику слова, открывая доступ к его образно-ассоциативному и эмоциональному полю, что создаёт основу для творческого мышления и рефлексии. В научной традиции концепт трактуется как особая «универсалия» или «обобщённая идея», укоренённая в коллективной ментальности, психологии и языке этноса и формирующая его картину мира и поведенческие стереотипы. При этом понятие или действие приобретают статус концепта именно в акте коммуникации, который активизирует целый комплекс связанных с ними представлений, ассоциаций и переживаний, что доказывает его коммуникативное значение [1]. Следовательно, понимание термина «концепт» зависит от подхода к его анализу.

Паремиологический фонд языка, включающий пословицы и поговорки, представляет собой уникальный и концентрированный источник реконструкции национальной картины мира. В отличие от авторских текстов, паремии являются продуктом коллективного многовекового творчества, воплощающие в себе наиболее устойчивые, проверенные опытом и транслируемые через поколения представления, оценки и поведенческие сценарии. Изучение паремий, вербализующих тот или иной концепт, позволяет выявить не просто лексическое значение слова, а его глубоко укоренённый в культуре ценностный статус, символические коннотации и прагматические императивы.

Концепт «Еда» является одним из центральных в любой лингвокультуре, поскольку связан с базовыми физиологическими потребностями, социальными практиками и сакральными ритуалами. В русской паремиологической системе вербализация этого концепта выходит далеко за рамки гастрономической тематики, формируя комплекс взаимосвязанных культурных стереотипов и поведенческих установок, регулирующих отношения человека с миром, обществом и самим собой.

Прежде чем обратиться непосредственно к концепту «Еда», необходимо обозначить методологическую значимость паремий как объекта исследования. Пословица («Что посеешь, то и пожнёшь») не просто описывает причинно-следственную связь в сельском труде, но и формулирует универсальный этический закон воздаяния. Поговорка («После дождичка в четверг») фиксирует скептическое отношение к неопределённым обещаниям.

Паремии фиксируют ценность через прямые утверждения:

«Хлеб – всему голова».

Данная пословица возводит базовый пищевой продукт в ранг главенствующего начала, архетипической основы. Голова – символ разума и управления; хлеб управляет всем, от него зависит жизнь.

«Сытое брюхо к учению глухо»;

«Голодный и владыка (и патриарх) хлеба украдёт».

В этой диаде отражена амбивалентность отношения. С одной стороны, сытость критикуется как состояние, расслабляющее ум и волю. С другой – голод оправдывает любые действия, ломая социальные и моральные запреты. Стереотип гласит: сытость – норма, к которой нужно стремиться, но она же таит опасность лени; голод – абсолютное зло, снимающее с человека вину.

«Без соли, без хлеба – худая беседа»;

«Без хлеба – смерть».

Еда в данном случае выступает минимальным условием не только физического, но и социального существования («беседа»). Этот стереотип формирует поведенческую установку бережливости, доведённой до сакрализации еды:

«Хлеба ни куска – и в тереме тоска»;

«Выброси хлеб – потеряешь силу».

Концепт «Еда» в русских паремиях неразрывно связан с концептом «Труд». Паремии формируют стереотип: пища, добытая честным трудом – благо; пища, полученная даром или нечестным путём – опасна или недостойна.

«Каковы труды, таковы и плоды»;

«Кто пахать не ленится, у того и хлеб родится».

Здесь еда является прямой проекцией приложенных усилий, мерой справедливости мира.

«Без труда не выловишь и рыбку из пруда».

Эта известнейшая паремия устанавливает императив трудового усилия как единственный путь к добыче пищи. Рыбка, являющаяся символом даже небольшого пищевого ресурса, недостижима без действия.

«Чужой обед пригож, да не для наших рож».

Данная пословица формирует установку на автономность и подозрительность к «чужому», дармовому. Она является своего рода предостережением: то, что легко досталось, может не пойти впрок, не соответствовать твоей природе («роже»).

Таким образом, паремии воспитывают не просто уважение к еде, а уважение к труду как единственному легитимному источнику еды.

Поведенческая установка – активная, созидательная позиция по отношению к миру.

Социальная функция еды вербализуется в паремиях через огромный в количественном отношении пласт высказываний о гостеприимстве, щедрости и их антиподах – скупости и жадности. Застолье в данном случае является моделью социальных отношений.

«Что есть в печи – всё на стол мечи»;

«Гостю щей не жалей, а погуще налей».

Это прямой поведенческий императив гостеприимства, который предписывает делиться самым лучшим, демонстрируя открытость и радушие. Еда становится символом принятия человека в круг «своих».

«Скупой богат беднее нищего»;

«Скупой дважды платит».

Данные пословицы формируют резко негативный стереотип скупого человека, чьё отношение к еде (как к чему-то, чем нельзя делиться) характеризует его как глубоко безнравственного. Скупость оказывается невыгодной даже экономически.

«Дал блин, да и подзатыльник»;

«За угощение спасибо, а за обиду не спрошу» – еда, сопряжённая с унижением, теряет свою ценность и разрушает отношения, таким образом щедрость должна быть искренней и безусловной.

Параллельно с культом сытости и гостеприимства в русских паремиях звучит аскетическая, поучительная нота, осуждающая чревоугодие и излишество. Данный стереотип связан как с христианской моралью, так и с практицизмом крестьянской жизни.

«Ешь вполсыта, пей вполпьяна – проживёшь век доплетна»;

«Объедаться – болезни добывать».

Здесь формулируется установка на умеренность как залог здоровья и долголетия. Еда сверх меры ведет к саморазрушению.

«Конь сыт – меньше возит, человек сыт – меньше думает».

Данная пословица напрямую связывает физическую сытость с интеллектуальной и деятельностной пассивностью, формируя подозрительное отношение к изобилию.

«Не в том счастье, что много еды, а в том, что мало жадных» – счастье переносится из материальной сферы (много еды) в нравственную (отсутствие жадности).

В паремиях «Еда» часто выступает в метафорической функции, описывая совершенно иные сферы жизни, что доказывает его концептуальную значимость.

«Дал каши, так затевай и масла» (о начале дела, которое требует доведения до конца).

«С ним каши не сваришь» (о невозможности вести дела с кем-либо).

«Обжегшись на молоке, дует и на воду» (о человеке, у которого был негативный опыт и поэтому боится снова потерпеть неудачу).

В данном случае конкретные продукты (каша, масло, молоко) становятся универсальными знаками ситуаций, отношений, качеств человека. Это

свидетельствует о том, что пищевая реальность является основным источником для осмысления и вербализации абстрактных понятий в русской языковой картине мира.

Таким образом, русские паремии, вербализующие концепт «Еда», представляют собой сложную, порой внутренне противоречивую, но целостную систему. Они формируют культурные стереотипы, в которых еда предстаёт как:

- 1) высшая жизненная ценность и защита от хаоса голода;
- 2) справедливое вознаграждение за труд;
- 3) ключевой элемент социальной коммуникации и показатель нравственных качеств;
- 4) опасная стихия, требующая аскетического контроля.

Из перечисленных стереотипов вытекают конкретные поведенческие установки: бережливость, трудолюбие, щедрость и гостеприимство, умеренность, подозрительность к дармовщине.

Проведенный анализ русских паремий с концептом «Еда» показывает, что «Еду» превращают из биологического факта в культурный код, через который передаются основные ценности и правила существования в традиционном русском обществе. Изучение этого кода через паремии позволяет понять глубинные, часто неосознаваемые пласты национального менталитета, где вопросы питания оказываются тесно сплетены с вопросами морали, справедливости и смысла жизни.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта; Наука, 2010. – 288 с.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая; пер. с англ. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
3. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1993. Т. 52, № 1. – С. 3–9.
4. Приходько А.М. Концепты и концептосистемы / А.М. Приходько. – Днепропетровск: Пороги, 2005. – 305 с.
5. Фелицына В.П. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь / В.П. Фелицына, Ю.Е. Прохоров; под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова. – М.: Русский язык, 1979. – 240 с.

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В СОБЫТИЯХ ПРОТИВОСТОЯНИЯ ИРАНА И США

Гагаева Х.Х.,

*магистрант 1 курса факультета иностранных языков
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
e-mail: khava.gagayeva@mail.ru*

Абуева М.С.-С.,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»;
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет»
e-mail: amilata@inbox.ru*

Аннотация. Данная статья посвящена анализу метафор в условиях конфликта между Ираном и США в период 2018–2025 гг. В статье рассматривается использование метафорических моделей и их специфика. Актуальность исследования обусловлена усилением конфликта между Ираном и США в 2018–2025 гг. В условиях информационной войны метафоры становятся инструментом манипуляции общественным мнением и оправдания политических решений. Цель статьи – выявить доминантные метафорические модели в политическом дискурсе США и Ирана в контексте их противостояния и провести их сравнительный анализ.

Ключевые слова: метафора, метафорическая модель, политическая метафора, политический дискурс, манипуляция.

METAPHORICAL MODELS OF REALITY IN THE CONTEXT OF USA AND IRAN CONFRONTATION

Gagayeva Kh. Kh.

*1st-year Master's student, Faculty of Foreign Languages,
Kadyrov Chechen State University*

Abueva M.S.-S.,

*Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor, Department of English,
Kadyrov Chechen State University;
Chechen Pedagogical State University*

Abstract. This article focuses on the analysis of metaphors in the context of the conflict between Iran and the United States in the period of 2018–2025. The article examines the use of metaphorical models and their specific features. The relevance of this research is driven by the intensification of the conflict between Iran and the United States in 2018–2025. In the context of information warfare, metaphors have become a tool for manipulating public opinion and justifying political decisions. The purpose of this article is to identify the dominant metaphorical models in the political discourse of the United States and Iran in the context of their confrontation and to conduct a comparative analysis of these models.

Keywords: metaphor, metaphorical model, political metaphor, political discourse, manipulation

Метафора – это перенос названия с одного предмета на другой на основе сходства («горлышко бутылки», «золотые руки»). От Аристотеля до XX века метафора считалась тропом – фигурой речи, украшающей язык. Однако это объяснение недостаточно для политического дискурса, где метафора не является просто «украшением». Когнитивный поворот 1980-х Дж. Лакоффа и М. Джонсона позволил посмотреть на метафору с другой стороны [3]. Согласно исследователям, метафора – фундаментальное свойство мышления. Мы думаем метафорами, абстрактные сферы (эмоции, политика) осваиваются через знакомые конкретные понятия (например, пространство, война).

В основе метафоры лежит концептуальная метафорическая модель. В неё входят такие понятия, как СФЕРА-ИСТОЧНИК и СФЕРА-МИШЕНЬ. Сфера-источник – это понятийная (концептуальная) область, которая служит основой для метафорического переноса. Она включает хорошо знакомые человеку элементы, которые используются для осмысления менее понятной сферы-мишени.

Для адекватного анализа политической метафоры необходимо учитывать исторический и геополитический контекст, в котором она функционирует. Ирано-американские отношения остаются одной из главных линий напряжённости на Ближнем Востоке.

Ключевой точкой отсчёта современного конфликта принято считать 1979 год – Исламскую революцию в Иране, в результате которой был свергнут прозападный шахский режим и к власти пришло религиозное правительство во главе с аятоллой Хомейни. Новое руководство взяло курс на антиамериканизм как одну из идеологических основ. Кульминацией разрыва стал захват американских дипломатов в заложники (1979–1981), после чего США разорвали дипломатические отношения, которые не восстановлены до сих пор.

В последующие десятилетия конфликт принимал разные формы: 1980-е – поддержка США Ирака в войне против Ирана; 2015 – «ядерная сделка» (СВПД); 2018 – выход США из сделки и политика «максимального давления»; 2020 – убийство генерала Сулеймани; 2023–2025 – эскалация на фоне войны в Газе.

Для анализа важен период 2018–2025 гг., когда конфронтация достигла пика. В эти годы иранские и американские политики активно использовали метафорические модели для оправдания своих действий, демонизации противника и мобилизации собственного населения. Анализ метафор этого периода позволяет понять, как язык не просто отражает, но и усугубляет реальный геополитический конфликт.

Метафоры в американском дискурсе

В американском дискурсе доминируют метафоры давления, стихии и апокалипсиса. В мае 2025 г. Д. Трамп назвал Иран «самой разрушительной силой на Ближнем Востоке» [6]. Данная метафора, сфера-источник которой – стихийное бедствие, представляет Иран не как политического участника, а как неконтролируемую разрушительную силу, оправдывая таким образом жёсткие ответные меры.

В высказываниях Трампа, относящихся ещё к 2015 году и неоднократно повторяемых в 2025–2026 годах, иранская ядерная программа описывается как

ведущая к «ядерному холокосту» [9]. Сверхсильная метафора апокалипсиса, отсылающая к исторической травме Холокоста, создаёт ощущение неизбежной катастрофы, требующей немедленных превентивных действий.

Трамп неоднократно адресовал Ирану угрозу «каменного века». В 2019 году он пообещал, что Иран будет «*стёрт с лица земли*» и «*отброшен в каменный век*» («*will be sent back to the Stone Age*») [5]. Эта метафора, сфера-источник которой – деградация и регресс цивилизации, представляет Иран как нечто примитивное и не имеющее права на существование в современном мире.

Метафоры в иранском дискурсе

Если рассмотреть иранский дискурс, то он больше опирается на религиозно-мифологические и зооморфные метафоры. В январе 2026 г. в своём официальном аккаунте X (Twitter) аятолла Хаменеи сравнил Трампа с «*фараоном*»: «*Этот тоже будет свергнут*» («*Like Pharaoh... This one too will be overthrown*») [7]. Сфера-источник – коранический образ правителя-тирана Фараона, который был наказан Всевышним. Данная метафора не просто критикует американскую администрацию, а делегитимизирует её на сакральном уровне, представляя падение Трампа как божественно предопределённое событие.

В другом выступлении Хаменеи назвал поведение США «*высокомерным и хищническим*» («*arrogant and predatory behavior*») [10]. Зооморфная метафора дегуманизирует противника: США предстают как инстинктивный агрессор, с которым невозможны рациональные переговоры, – только сопротивление.

Иранский медиадискурс 2025–2026 годов демонстрирует активное использование саркастических и «зеркальных» метафорических стратегий. В апреле 2026 года информационное агентство Tasnim охарактеризовало попытки Трампа переопределить цели конфликта как поведение «*стрелка, который промахивается, а затем перерисовывает мишень вокруг мест, куда попали его пули*» («*like a marksman who misses his shots and redraws the target around where the bullets landed*») [10]. Сфера-источник – стрельба или спортивная игра, где мишень является фиксированной. Метафора высмеивает попытку представить военную неудачу как успех.

В том же месяце Генеральное консульство Ирана в Мумбаи опубликовало в своём аккаунте X видео с запуском иранских ракет, сопроводив его иронической подписью: «*В Израиле воют сирены воздушной тревоги. Должно быть, это метеоритный дождь с Марса!*» («*Must be a meteor shower from Mars!*») [9]. Космическая метафора в сочетании с сарказмом развенчивает нарратив о «тотальном уничтожении» иранского военного потенциала.

Ещё одна яркая метафора, появившаяся в ответ на угрозы «каменного века», прозвучала от иранских дипломатов: «*Цивилизации, восходящие к империям Ахеменидов, не начинают "снова"*» («*Civilizations dating back to the Achaemenid Empire do not start "again"*») [12]. Сфера-источник – историческое наследие. В отличие от США – молодой нации, Иран предстаёт как древняя цивилизация, которую невозможно «начать заново», что создаёт образ культурного превосходства.

Наконец, в декабре 2025 года вице-спикер иранского парламента Хамид-Реза Хаджи-Бабаи охарактеризовал стратегию США против Ирана как «*два лезвия ножниц*» – экономическую войну и пропагандистскую войну, которые действуют

синхронно («*economic warfare and propaganda warfare as the two primary tools – Two Blades of Scissors*») [9]. Метафора инструмента создаёт образ скоординированного давления, легитимизируя ответные меры Тегерана как вынужденную самозащиту.

Президент Ирана М. Пезешкиан в интервью 2025 г. заявил, что лозунг «Смерть Америке» – «метафора борьбы с политикой Вашингтона, а не призыв убивать американцев» («*The slogan 'Death to America' is a metaphor for resisting Washington's policies*») [11]. Политик сам объясняет символический характер своей риторики, пытаясь деэскалировать образ Ирана как «террористического государства».

Сравнение метафорических моделей США и Ирана выявляет явную асимметрию. Соединенным Штатам свойственно использование апокалиптических и механических метафор, тогда как Иран активно использует религиозно-мифологические метафоры. Метафоры, используемые США, угрожают Ирану полным уничтожением, возвращением в каменный век, в то время как Иран использует саркастические метафоры, высмеивая противника.

Список литературы

1. Абуева М.С-С. Метафоры в политическом тексте – издательство «Алеф» 2018. – 92 с.
2. Абуева М.С-С. Темиева М.Х. Метафора как способ манипуляции в политических текстах. Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 2 (31). – С. 229–232.
3. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон; пер. с англ. А.Н. Баранова. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
4. Чудинов А.П. Политическая метафорология: дискурсивный поворот / А.П. Чудинов, Э.В. Будаев, О.А. Солопова. – М.: Флинта, 2020. – 234 с.
5. Graham, D.A. Trump Calls for 'Overwhelming' Force Against Iran, Then Backs Off [Электронный ресурс] / D. A. Graham //The Atlantic. 2019. 22 June. URL: <https://www.theatlantic.com> (дата обращения: 02.05.2026).
6. Trump, D. Trump calls Iran the 'most destructive force' in the Middle East [Электронный ресурс] / D. Trump // Reuters. 2025. 13 May. URL: <https://www.reuters.com> (дата обращения: 21.04.2026).
7. Khamenei, A. Like Pharaoh... This one too will be overthrown [Электронный ресурс] / A. Khamenei // Yeni Şafak. 2026. 12 January. URL: <https://www.yenisafak.com> (дата обращения: 21.04.2026).
8. Khamenei, A. Ayatollah Khamenei slams US as archetype of colonialism [Электронный ресурс] / A. Khamenei // AVA Press. 2025. 29 January. URL: <https://www.avapress.com> (дата обращения: 21.04.2026).
9. МК. «Это метеоритный дождь с Марса»: Иран высмеивает Трампа в TikTok [Электронный ресурс] // МК. 2026. 7 April. URL: <https://www.mk.ru> (дата обращения: 02.05.2026).
10. Middle East Forum. Tehran Media Dismisses Trump Speech, Says U.S. Shifting Goals After Failure [Электронный ресурс] // Middle East Forum. 2026. 2 April. URL: <https://www.meforum.org> (дата обращения: 02.05.2026).
11. Pezeshkian, M. Tucker Carlson asks Iran's president about 'Death to America' chants [Электронный ресурс] / M. Pezeshkian // Mediaite. 2025. 7 July. URL: <https://www.mediaite.com> (дата обращения: 21.04.2026).
12. The Indian Express. Iran Trolls Trump's Stone Age remark with Achaemenid Empire dig [Электронный ресурс] //The Indian Express. 2026. 8 April. URL: <https://www.indianexpress.com> (дата обращения: 02.05.2026).

ВЛИЯНИЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА НА ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА «БОГАТСТВО»

Исипова М.Р.,

*магистрант 2 курса факультета иностранных языков
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
e-mail: muslimova.zalina99@gmail.com*

Даутмурзаева З.Г.,

*старший преподаватель кафедры «Английский язык»
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
e-mail: zdautmurzaeva@gmail.com*

***Аннотация.** Настоящая статья представляет собой комплексное исследование, посвященное изучению влияния французского языка на эволюцию концепта богатства в английском языке. В работе проводится анализ исторических процессов, обусловивших трансформацию данного концепта в английском обществе, а также исследуется, каким образом это языковое заимствование повлияло на социальные представления о богатстве, сформировав новые когнитивные и культурные парадигмы.*

***Ключевые слова:** концепт, французский язык, богатство, Нормандское завоевание.*

THE INFLUENCE OF THE FRENCH LANGUAGE ON THE FORMATION OF THE CONCEPT OF «WEALTH»

Isipova M.R.,

*2nd year Master's student Faculty of Foreign Languages
Kadyrov Chechen State University*

Dautmurzaeva Z.G.,

*Senior Lecturer of the English Department
Kadyrov Chechen State University*

***Abstract.** This article is a comprehensive study of the influence of the French language on the evolution of the concept of wealth in the English language. It provides a detailed analysis of the historical processes that led to the transformation of this concept in English society, and explores how this linguistic borrowing has influenced social perceptions of wealth, shaping new cognitive and cultural paradigms.*

***Keywords:** concept, french language, wealth, The Norman Conquest.*

В рамках лингвокультурологии утверждается, что в сознании каждого носителя языка заложены специфические для его народа способы восприятия и осмысления действительности. Эти ментальные образования носят название «концепты». Большая часть информации о мире приходит к человеку по лингвистическому каналу, поэтому человек живет более в мире концептов, созданных им же для интеллектуальных, духовных, социальных потребностей, чем в мире предметов и вещей: огромная доля информации поступает к нему через слово, и успех человека в обществе зависит от того, насколько хорошо он

владеет словом, причем не столько даже в плане культуры речи, сколько в умении проникнуть в тайны языка [3, с. 4].

Английский язык формировался под влиянием языков захватчиков. Однако наиболее глубокий след в нем оставил французский язык. Распространенное мнение о Нормандском завоевании 1066 года как о резком переломе в истории Англии не совсем верно. Предпосылки для него существовали и ранее: так, при дворе короля Эдуарда, который и сам был наполовину нормандцем, были сильны тесные связи с Францией. Однако, несомненно то, что именно завоевание и последовавшие за ним столетия оказали глубочайшее влияние на английский язык. На несколько веков английский перестал быть языком управления и утратил статус общенационального литературного стандарта [6, с.160].

Французский стал языком аристократии и власти Англии, и несмотря на то, что крестьянский слой общества продолжал говорить на английском, многие французские слова проникали в их речь.

Прочитав книгу *«Повседневная жизнь в Англии во времена англосаксов, викингов и норманнов»* авторов *Марджори и Чарльза Квеннеллов*, мы можем сделать вывод, что до Нормандского завоевания концепт «богатство» у англосаксов был тесно связан не с денежным капиталом, а с осязаемыми ценностями и социальными отношениями. Его ядро составляли:

1. Земля: Земля была основой богатства и социального статуса. Она позволяла кормить семью и устраивать быт. «У саксов земля делилась на «народную», принадлежавшую людям и состоящую из того, что осталось сверх тех участков земли, что были у свободных людей, и общинную, находившуюся в руках общин, но постепенно переходившую в личную собственность к семьям, если те платили необходимые пошлыны, и затем известную как наследственные земли. «Книжная земля» обычно состояла из даров религиозным организациям из народных земель» [2, с. 147].

2. Золото и сокровища: Богатство измерялось в драгоценностях, украшениях, дорогим оружии (например, украшенных мечях) и роскошных предметах быта. Эти ценности были не просто фондом, а инструментом социальных связей: их дарили вассалам и воинам в награду за верность и службу, создавая узы долга и верности.

*«Наследник Хальфдана
пожаловал Беовульф
знак победный*

– ратное знамя,

стяг златовышитый

и шлем с кольчугой» [1, с. 72]

«Gave then to Beowulf Healfdene's bairn

A golden war-ensign, the victory's guerdon,

A staff-banner fair-dight, a helm and a byrny:

The great jewel-sword a many men saw them» [5, с. 94].

3. Скот: В более ранний период скот был одной из основных мер богатства и средством обмена.

[https://ru.wikipedia.org/wiki/Экономика_Англии_%281066–1509%29]

4. Честь и щедрость: Быть богатым означало быть щедрым. Правитель или лорд, который не был щедр со своим народом, терял честь и уважение, а значит, и саму основу своей власти. Богатство было средством демонстрации и укрепления власти.

*But Arthur would not eat until all were served;
his youth made him so merry with the moods of a boy,
he liked lighthearted life,
so loved he the less either long to be lying or long to be seated:
so worked on him his young blood and wayward brain [5, с. 27]*

*Но не начал наш король насыщаться,
Пока не подали всем паладинам.
Король был вежливый, веселый, быстрый,
Не любил ни лежать, ни сидеть подолгу,
И разум, и кровь молодая бурлили,
Будили его благородную гордость [1, с. 19].*

После захвата Англии норманны заняли высшие должностные посты, а также укрепили феодализм. Данные события оказали значительное влияние на английский язык и на концепцию богатства в целом.

В книге А.И. Смирницкого «Древнеанглийский язык» мы видим, что в древней Англии слово *feoh* означало не только деньги, но и скот, имущество [4, с. 49], а слово *ead* – богатство, богатый, счастливый. Однако постепенно эти слова стали заменяться, уступая место французским эквивалентам.

Если обратиться к этимологическому словарю Харпера [7], можно заметить, что французские слова создали обширный синонимический ряд, так или иначе связанный с понятием «богатство».

1. Riches

Согласно Харперу, на форму этого слова в среднеанглийском языке повлияло старофранцузское *riche* («богатый, великопный, пышнотелый»), которое вместе с испанским *rico*, итальянским *ricco* происходит от франкского *riki* («могущественный»). В древнеанглийском языке также было существительное *rice*, означающее «править, царствовать, власть, могущество; авторитет; империя». Эволюция этого слова отражает связь между богатством и властью в древнем мире, хотя значение «могущество», по-видимому, является самым древним.

2. Treasure

Слово *treasure* было заимствовано в XII веке из старофранцузского *tresor*, восходящего к латинскому *thesaurus* («сокровищница, клад»). Изначально оно означало «скопление богатства, особенно в виде драгоценных металлов или камней». Харпер подчеркивает, что это слово с самого начала несло оттенок ценности и сохранности, часто в контексте государственной казны или церковной утвари. Переносное значение слова «что-либо ценное» появилось примерно в 1200 году, первоначально в духовном смысле, а около 1300 года оно стало означать «дорогая сердцу личность».

3. Luxury

Слово *luxury* пришло позже, в XIV веке, из старофранцузского *luxurie*, которое означало «распутство, излишество». В английском языке это слово утратило уничижительный оттенок в XVII веке. Значение «привычка потакать своим желаниям в том, что является изысканным или дорогостоящим» появилось в 1630-х годах, значение «роскошное окружение» – в 1704 году, а значение «что-то изысканное или комфортное, выходящее за рамки необходимого для жизни» – в 1780 году. В качестве прилагательного используется с 1916 года.

Разные слова, которые пришли в язык из других языков, показывали, как общество было разделено на разные слои:

- *Estate* – в начале XIII века слово «ранг, положение, состояние» произошло от старофранцузского *estat* «состояние, положение, состояние здоровья, статус, имущественное положение».

- *Heritage* – наследие, то, что передается по наследству.

- *Property* – собственность. Слово подчеркивает право владения.

Целые пласты лексики, связанные с управлением богатством, были заимствованы целиком:

- *Finance* – финансы. От старофранцузского *finance*, первоначально «окончание, выплата долга».

- *Money* – деньги. От старофранцузского *monnaie*. Древнеанглийское слово *sceatt* было постепенно вытеснено.

- *Revenue* – доход. От старофранцузского *revenue*, «возвращение», «то, что пришло».

- *Value* – стоимость. От старофранцузского *value*.

- *Price* – цена. От старофранцузского *pris*. Древнеанглийское *gield* (давнее современное *yield* – урожай, доходность) сохранилось, но с более узким значением.

- *Purchase* – покупка и продажа. От старофранцузского *purchacier* – «преследовать, стараться получить». Слово *purchase* изначально имело более формальный и юридический оттенок.

Анализ показывает, что французский язык сильно повлиял на понятие «богатство» в английском. Это влияние было глубоким и изменило само представление о богатстве. Оно не просто добавило новые слова, а изменило сам способ мышления о богатстве.

Таким образом мы можем утверждать, что французские слова добавили в английский язык новые понятия, такие как «наследственное» (то, что передаётся от родителей), и «заработанное» (то, что человек заработал сам), «необходимое» (то, что нужно для жизни) и «роскошное» (то, что очень дорогое и красивое). Эти слова помогли создать систему правил и законов, регулирующих финансы.

В результате английский язык обрел необычайную выразительность для описания концепта богатства во всех его аспектах.

Список литературы

1. «Беовульф». Издательство АСТ, 2024. – С. 296.

2. Квеннел Марджори, Квеннел Чарльз Генрих Борн. Повседневная жизнь в Англии во времена англосаксов, викингов и норманнов / пер. Т.В. Ковалевой. – СПб.: Евразия, 2002. – 384 с.: ил. Серия «Clio».
3. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – С. 169.
4. Смирницкий А.И. «Древнеанглийский язык». Филологический факультет им. М.В. Ломоносова, 1998. – 319 с.
5. «Beowulf». HarperCollins publishers, 2021. – 420 с.
6. Charles Barber, Joan C. Beal, Philip A. Shaw. The English language: a historical introduction / 2nd ed. – P. 322 (Cambridge approaches to linguistic [160]).
7. <https://www.etymonline.com/ru>

УДК 81'1

ЗАИМСТВОВАНИЯ КАК СПОСОБ ПОПОЛНЕНИЯ СЛОВАРНОГО ЗАПАСА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Индарбаев М.Г.,

*магистрант 2 курса факультета иностранных языков
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»*

Манцаева А.Н.,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры «Английский язык»
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»;
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет»
e-mail: klaramantsaeva@yandex.ru*

Аннотация. Актуальность темы обусловлена тем, что в эпоху цифровой коммуникации скорость заимствования новых лексем (например, selfie, emoji, glamping) возросла в десятки раз, что требует от лингвистов пересмотра традиционных классификаций. Цель исследования – доказать, что, несмотря на большое количество слов являются заимствованиями из других языков, данный язык не потерял свою самобытность. Цель исследования – доказать, что, несмотря на большое количество заимствований из других языков, английский язык не потерял свою самобытность. История показала, что языковая система естественным образом отбирает наиболее удобные, краткие и интернациональные единицы. В ходе исследования выявлено, что заимствования из других языков влияют на английский язык положительно.

Ключевые слова: экзотизмы, заимствования, калькирование, синонимия, латынь, языковая система, словарный состав.

BORROWINGS AS A WAY TO INCREASE VOCABULARY IN ENGLISH

Indarbaev M.G.,

*2nd year master's student Foreign Languages Faculty
Kadyrov Chechen State University*

Mantsaeva A.N.,

*Candidate of philological sciences,
associate professor of the English language department
Kadyrov Chechen State University;
Chechen State Pedagogical University*

Abstract. The relevance of this topic stems from the fact that in the age of digital communication, the rate of new lexemes borrowing (e. g., selfie, emoji, glamping) has increased tenfold, requiring linguists to reconsider traditional classifications. The aim of the study is to demonstrate that, despite the fact that English borrows a large number of words from other languages, the language has not lost its distinctiveness. History has shown that the linguistic system naturally selects the most convenient, concise, and international units. The study has found that borrowings from other languages have a positive impact on English.

Keywords: exoticisms, borrowings, calques, synonymy, Latin, linguistic system, vocabulary.

Проблема взаимопроникновения и взаимовлияния языков, внедрения заимствованных слов из одного языка в другой, остается столетиями и является одной из основных проблем лингвистики. Среди ученых, сосредоточивших свои усилия на изучении данной проблемы, следует отметить таких выдающихся исследователей, как У. Вайнрайх, А. Вашек, Б. Гавранек, Е. Петрович, А. Росетти, Г. Шухардт, Е. Хауген, а также советских и российских лингвистов – А.А. Белецкого, И.К. Белодеда, Е.М. Верещагина, Ю.Д. Дешериева, А. Жлуктенко, А.А. Реформатского, Л.В. Щербу и многих других [3].

Долгое время в лингвистике господствовал нормативный подход к изучению заимствований, заключающийся, по сути, в каталогизации слов иностранного происхождения в языке-реципиенте. Заимствования из других европейских языков обогатили словарный запас современного варианта английского языка и трансформировали его настолько, что от варианта древнеанглийского остался лишь небольшой процент. Более 70% всех слов данного языка являются заимствованными, и только 30% представляют собой исконно древнеанглийские слова. Словарный запас английского языка на данный момент составляет 500 000 лексем [5].

Являясь мировым языком коммуникации и занимая первое место по числу носителей в мире, английский язык привлекает внимание лингвистов и всех, кто как-то связан с изучением и обучением этого прекрасного языка, своим разнообразием лексики и особенностью произношения.

Фонетическое разнообразие слов, пришедших в английский язык из других языков, поражает своим разнообразием. Несомненно, это очень обогатило словарный запас данного языка и подняло его на новый уровень сложности.

Новая лексическая система выстроилась под влиянием трех знаменательных волн экспансии:

1. Скандинавская волна (VIII–XI вв.). Такие слова как *sky* (*небо*), *skin* (*кожа*), *egg* (*яйцо*), стали частью английского языка благодаря викингам. Влияние выразилось также в грамматике – именно из древнескандинавского в английский пришло местоимение *they*.

2. Нормандское завоевание (1066 г. и далее). Английский язык оказался в ситуации диглоссии: животные на ферме обозначались германскими именами (*pig*, *cow*), а их мясо на столе аристократии – французскими (*pork*, *beef*). Было заимствовано около 10 000 слов, касающихся права (*justice*), религии (*saint*) и архитектуры (*castle*) [3].

3. Эпоха Возрождения (XVI–XVII вв.). Фонтаном абстрактной лексики и научной терминологии стали латынь и греческий: *discuss*, *scientific*, *phenomenon*, *theory*.

В современной лексикологии принято различать два основных направления:

- Прямые заимствования (Loanwords): когда слово переходит в язык вместе с референтом (объектом). Например, *pizza* (итал.), *tsunami* (яп.), *bazaar* (перс.) [2].

- Калькирование (Calques): морфемы исходного языка переводятся буквально. Классические примеры: *skyscraper* (*небоскрёб*) – калька с русского?

Нет, это обратный пример, но известная калька – *beer garden* с нем. *Biergarten* [1].

Степень ассимиляции:

- Полностью ассимилированные (не отличаются от исконных слов): *table* (из лат. *tabula*).

- Частично ассимилированные (сохраняют ударение или написание): *ballet*, *café* [2].

- Экзотизмы (варваризмы): *taco*, *sushi* (указывают на чужую культуру).

4. Лингвистические последствия заимствований

Феномен заимствования порождает несколько противоречивых эффектов:

а) синонимическое изобилие. Германское *kingly*, французское *royal* и латинское *regal* находятся в гармонии, создавая стилистическую шкалу от простоты до возвышенности;

б) проблема «ложных друзей переводчика». Заимствованное слово впоследствии может изменить свое значение. Англ. *actually* ≠ рус. *актуальный* (скорее «на самом деле»). Англ. *sympathetic* ≠ «симпатичный» (это «сострадательный»);

в) деэтимологизация. Носители языка перестают ощущать инородность слова. Редко кто знает, что *window* (окно) – это древнескандинавское «глаз ветра» (*vindr* + *auga*), а «*nightmare*» – «ночная кобыла» из фольклора.

В отличие от прошлых веков, сегодня доминирует не один язык-донор (латынь или французский), а множество источников, отражающих экономическое влияние стран:

- испанский: *fiesta*, *tako*, *siesta* (в США – до 30% новых сленгизмов);

- хинди и языки Индии: *karma*, *joga*, *guru*, *bungalow* (наследие колониализма);

- японский и корейский: *samurai*, *karaoke*, *kimono*, *oppa* (через поп-культуру);

- китайский: *kung fu*, *feng shui*, *tea*;

- русский: *balalaika*, *sputnik*, *dacha*, *samovar*.

Также, конечно, можно упомянуть об обратном заимствовании. Слово *anime* вернулось в Японию из английского, но уже с иным значением (в японском *anime* означает любую анимацию, а в английском – только японскую).

Пополнение лексического запаса английского языка путем заимствования можно рассматривать только в положительном ключе. Именно это свойство – поглощать и перерабатывать чужие корни – сделало английский языком международного общения. Пуристы XIX века (например, Уильям Барнс) безуспешно пытались заменить греко-латинские термины германскими неологизмами (*endsay* вместо *horizon*). История показала, что языковая система естественным образом отбирает наиболее удобные, краткие и интернациональные единицы.

Таким образом, можно сказать, что заимствования из других языков влияют на английский положительно.

Список литературы

1. Казанская И.В. Калькирование как продуктивный способ заимствования в современном английском языке. Вестник МГЛУ, 5(823), 2019. – С. 45–53.
2. Колмогорцев И.В., Корепина Н.А. Роль заимствований в лексическом составе английского языка. Молодежный Вестник ИРГТУ, № 1, 2015.
3. Манцаева А.Н., Абуева Э.А. Влияние французских заимствований на развитие английского языка. Филологические науки. Гуманитарный научный вестник, электронный научный журнал, 2020. № 9.
4. Crystal, D. (2012). The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge University Press. (Глава 7: Lexical change).
5. Durkin, P. (2014). Borrowed Words: A History of Loanwords in English. Oxford University Press.

АРАБИЗМЫ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Ибрагимов И.А.,

студент 3 курса факультета иностранных языков

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

e-mail: ibriznovr2005@gmail.com

Дзейтова Х.Б.,

доцент кафедры «Романские языки»

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

e-mail: dzeytovakhaifa@mail.ru

Аннотация. Актуальность заимствованных слов, в том числе арабизмов, в настоящее время чрезвычайно важна. Арабский язык, после латыни, является языком, наиболее представленным в испанском лексиконе. Изучение значения арабских заимствований в испанском языке может дать ценные сведения об эволюции языка и о непреходящем наследии межкультурного обмена. Языковые заимствования, в первую очередь, подразумевают, когда язык берет слово из другого языка и включает его в свой словарный запас.

Ключевые слова: арабизмы, контакты, испанский язык, арабский язык, заимствования.

ARABISMS IN THE SPANISH LANGUAGE

Ibragimov I.A.,

3rd-year student of the Romance Languages Department

Faculty of Foreign Languages

Kadyrov Chechen State University

Dzeytova Kh.B.,

Associate Professor of the Romance Languages Department

Kadyrov Chechen State University

Abstract. At present, the relevance of borrowed words, including Arabisms, is extremely important. After Latin, Arabic is the language most represented in the Spanish lexicon. The study of the meaning of Arabic borrowings in the Spanish language can provide valuable insights into the evolution of the language and the enduring legacy of intercultural exchange. Regarding linguistic borrowings, they are primarily discussed when a language takes a word from another language and incorporates it into its vocabulary.

Keywords: arabisms, contacts, Spanish language, Arabic language, borrowing.

Заимствование — это элемент, который один язык берет у другого. В настоящее время актуальность заимствованных слов, в том числе арабизмов, чрезвычайно важна. Ни один язык не может развиваться без заимствования элементов из другого языка. Арабский язык, после латыни, наиболее представлен в испанском лексиконе.

Прибытие арабов в VIII веке значительно изменило историю Испании во всех аспектах. Они принесли превосходный язык, который преобладал во всех сферах повседневной и административной жизни. Арабский вклад в лексику

испанского языка начался одновременно с зарождением романских языков на Апеннинском полуострове и был постоянным с VIII века до изгнания мавров в начале XVII века.

В течение этого долгого исторического периода между двумя народами происходил постоянный обмен, в результате которого смешались имена, фамилии, обычаи, товары, техника и значительное количество слов.

Включение арабских заимствований в испанский язык сыграло решающую роль в формировании его словарного запаса и культурной идентичности.

Понимание значения арабских заимствований в испанском языке необходимо оценки лингвистического разнообразия и исторических связей, которые способствовали богатству испанского языка.

Изучение значения арабских заимствований в испанском языке может дать ценные сведения об эволюции языка и непреходящем наследии межкультурного обмена. Что касается языковых заимствований, то в первую очередь о них говорят, когда язык берет слово из другого и включает его в свой словарный запас.

Заимствования очень распространены, и существует немного языков, которые никогда не заимствовали слово из другого языка.

Существует несколько причин, по которым слова переходят из одного языка в другой. Если мы сталкиваемся с новым объектом, происходящим из другого общества, страны или культуры и неизвестным в нашей культуре, этому объекту нужно дать название.

Если у него нет названия в нашем языке, проще всего будет взять слово, которое называет объект в языке тех, кто его изобрел, или тех, через кого мы с ним познакомились. Заимствования часто перенимаются, порождая новые выражения в заимствующем языке, а зачастую даже адаптируются к нему.

Арабский язык помог в развитии не только испанского, но и многих европейских языков.

Арабское господство на Пиренейском полуострове, продолжавшееся восемь веков, началось с поражения короля Дона Родриго в битве при Гвадалете.

За восемь лет арабы захватили почти всю Испанию.

Таким образом, Испания была исламизирована и стала провинцией мусульманской империи под названием Аль-Андалус.

Присутствие мусульман в Испании способствовало развитию испанской истории.

Естественно, что и арабский язык внёс свой вклад в развитие испанского языка.

Арабизмы в испанском языке узнаваемы, поскольку начинаются с al- или a-, так как артикль агглютинируется вместе с заимствованным именем.

Арабизмы в испанском языке составляют примерно 8% от общего словарного запаса и, по оценкам, насчитывают около 4000 слов, включая редко употребляемые [3, с. 53].

Арабизм – это, согласно DLE: «1. м. оборот речи или манера говорить, свойственные арабскому языку. 2. м. Слово или оборот речи из этого языка, используемый в другом языке». Как отмечает Лапеса [6, с.133], арабский элемент

был важнейшим для испанского лексикона вплоть до XVI века, в дополнение к латинскому. Можно сказать, что арабские заимствования в испанском языке насчитывают около 4000 форм. Однако арабизмы не были восприняты в той же форме, что и в языке оригинала, а были адаптированы к романской фонологии. Поскольку арабский язык сильно отличается от испанского, многие фонемы, которые были чужды испанскому, были заменены на свои или близкие к ним фонемы. Одним из элементов арабского языка, оказавшим большое влияние на заимствование арабизмов, был артикль: в арабском языке артикль *al*– ставится перед существительными как указание на конкретные сущности. Большинство заимствований из арабского языка начинаются с *al*, что делает арабское слово легко узнаваемым. Возможно, из-за незнания этого правила носителями испанского языка, испанские существительные арабского происхождения интегрировали этот элемент *al*– без значения артикля, и поэтому сопровождаются артиклями (*el alhelí*). Помимо начала на *al*–, еще одной типично арабской характеристикой, которую можно увидеть в арабизмах, является окончание */-ī/*, которое испанский язык использует для создания существительных и прилагательных (*muladí, maravedí, jabalí, baladí* и т. д.)

Кроме того, предлог *hasta* имеет арабское происхождение (от ар. *hatta*). Частицы *marras, en balde, de balde* также арабского происхождения. Что касается неопределенных слов, то слова *fulano* (от ар. *fulan* «один», «любой») и *mengano* (от ар. *man kana* «тот, кто») имеют арабское происхождение, как и междометия *guay, hala, ojalá* и архаичное *ya* «О». В арабском языке также остались слова и термины, принадлежащие к романскому стилю по происхождению и форме, но неполностью или полностью арабизированные по значению [7, с. 79].

Так, «*infante*» (младенец), имевший ранее значение «*niño que no habla*» («ребенок, который не говорит»), теперь имеет значение «*hijo de noble*» («сын дворянина») или «*hijo de rey*» («сын короля»), поскольку арабское слово «*walad*» означает «сын», «ребенок», «наследник престола».

Наконец, от арабской религиозной практики осталось множество поговорок арабского происхождения: спасибо Богу «*gracias a Dios*», мир Богу «*a la paz de Dios*», будь с Богом «*quede usted con Dios*», да воздаст тебе Бог «*que Dios te lo pague*», да пойдет он с Богом «*que vaya con Dios*» и т. д.

Согласно Корриенте Кордоба [5, с. 203], существует четыре типа арабизмов:

- два прямых: заимствования, возникшие в результате эмиграции мазарабитов в христианские страны, и заимствования, возникшие в результате контактов христианских завоевателей с мударарами и те, которые происходят от контактов христианских завоевателей с мударарами на захваченных ими территориях;

- два косвенных: заимствования, передаваемые частными лицами, которые приезжали на мусульманские территории для торговли, путешествий, паломничества или ведения войны, и ввели некоторые техники, неизвестные в то время; заимствования, которые были введены в оборот через переводы, так как было трудно найти романский или латинский эквивалент.

Арабизмы делятся на различные семантические поля, и одно из них – семантическое поле «война».

Из всех семантических полей первое семантическое поле, которое упоминает Лапеса [6, с. 133], – это поле войны.

aceifa	ṣāyfa	Incursión militar
almófar	almáḡfar	Pieza de la armadura antigua
aljaba	alǧá'ba	Caja portátil para flechas
adalid	addalíl	caudillo militar
algara	alḡára	Tropa de a caballo
alcazaba	alqaṣába	Recinto fortificado
macabro	maqabrir	Cementerio
mameluco	mamlūk	Soldado de una milicia privilegiada de los sultanes.
rebato	ribát	Convocación de los vecinos de uno o más pueblos
ronda	rubt	patrulla militar
acicate	assiqát	Espuela para picar al caballo
zaga	sāqah	Carga que se acomoda en la trasera de un vehículo

Арабизмы – это живое свидетельство 800-летнего присутствия мусульман на Пиренейском полуострове. В отличие от других европейских языков, испанский сохранил не только слова, но и целые понятийные поля.

Сегодня заимствования военной лексики полностью ассимилированы и воспринимаются как исконно испанские.

Almogávar – так называлась легкая пехота, известная своими стремительными набегами.

Alférez – один из самых известных испанских воинских чинов.

Снаряжение, лагерь и быт

Adarga – легкий щит из кожи, который использовали испанские солдаты. Произошел от арабского слова с тем же значением.

Alarde – изначально это слово обозначало военный смотр или парад войск. Со временем его значение сместилось в гражданскую сферу, и теперь глагол alardear означает «хвастаться» (дословно – выставлять себя напоказ, как на смотре).

Almofalla – специфический термин, который встречается в исторических документах и топонимике (названиях мест). Он происходит от арабского слова, обозначавшего военный лагерь, и использовался в средневековых хрониках.

Оружие и тактика

Gaṭa (коготь/лапа) – это слово, означающее мощную хватку или лапу хищника.

Aceifa – так назывались военные набеги и экспедиции мусульман на христианские земли. Слово стало нарицательным для обозначения грабительских походов.

Стоит отметить, что пласт военной лексики настолько велик, что в конце 2024 года в Ираке был издан специализированный «Словарь военных терминов арабско-испанского языков».

В целом, присутствие арабских заимствований в современном испанском языке подчеркивает взаимосвязь различных культур и длительное влияние исторических взаимодействий на эволюцию языка.

Ни один другой романский язык, за исключением испанского (в меньшей степени португальского), не имеет столь глубокого структурного влияния со стороны арабского языка. Роль арабизмов – это не только список слов, это мост между античностью и Ренессансом-передача индийской, персидской, греческой мудрости через Кордовский халифат. Арабское военное влияние в испанском языке – один из самых ярких следов почти 800-летнего присутствия мусульман на Пиренейском полуострове (711–1492 гг.). Эти слова часто начинаются с характерного для арабского языка артикля «al-», который слился с корнем слова при заимствовании.

В заключение следует отметить, что наличие арабских заимствований в испанском языке имеет большое значение, так как подчеркивает богатые исторические и культурные связи между двумя языками.

Список литературы

1. Алисова Т.Б., Репина Т.А. Введение в романскую филологию: / Т.Б. Алисова, Т.А. Репина, М.А. Таривердиева. Изд. 3-е. – Москва: Высшая школа, 2007. – 453 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. энциклопедия, 1969. – 381 с.
3. Фирсова Н.М. Испанский язык и культура в испаноязычных странах. Изд. 2-е. – М.: Ленанд, 2021. – С. 176.
4. Cano Aguilar, R., El español a través de los tiempos. – Madrid, 1999.
5. Corriente Córdoba, F. (2013), «Historia de la lengua española». En Cano-Aguilar, R. (coord.) (2004): El elemento árabe en la historia lingüística peninsular. Barcelona: Ariel.
6. Lapesa, R. (1980), Historia de la lengua española. – Madrid: Editorial Gredos.
7. Penny, R. J. A History of the Spanish Language. Cambridge University Press. 2002. UK. Pág. 281–283.

МЕТАФОРА ИГРЫ КАК СРЕДСТВО МОДЕЛИРОВАНИЯ РОССИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Кагерманова М.М.,

*магистрант 1 курса факультета иностранных языков
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»*

Абуева М.С.-С.,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры «Английский язык»
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»;
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет»*

e-mail: amilata@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматривается моделирование образа России в англоязычных СМИ посредством метафоры игры. Метафора игры анализируется как одна из устойчивых концептуальных моделей политического медиадискурса. Раскрываются теоретические основания игровой модели в трудах Л. Витгенштейна, Г. Бейтсона и представителей когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: концептуальная метафора, метафора игры, политический дискурс, медиадискурс.

GAME METAPHORS AS A MEANS OF MODELLING RUSSIA'S IMAGE IN ENGLISH LANGUAGE MEDIA DISCOURSE

Kagermanova M.M.,

*First-year Master's student, Faculty of Foreign Languages,
Kadyrov Chechen State University*

Abueva M.S.-S.,

*candidate of Philological Sciences,
Associate Professor, English Language Department,
Kadyrov Chechen State University;
Chechen State Pedagogical University*

Abstract. The article discusses the modelling of Russia's image in English language media through the game metaphor. The game metaphor is analyzed as a stable conceptual model of political discourse. The theoretical foundations of the game model are discussed in the works of L. Wittgenstein, G. Bateson and cognitive linguists.

Keywords: conceptual metaphor, game metaphor, political discourse, media discourse.

Когда человек рассуждает о времени как о пути, а о споре как о битве, его целью не является украшение мысли; он конструирует ее в рамках знакомого опыта. Метафора выступает скрытым фундаментом логических размышлений. Как показали Дж. Лакофф и М. Джонсон, метафора представляет собой не стилистический прием, а способ концептуализации действительности [3].

Языковые процессы взаимосвязаны с мыслительными операциями человека, поэтому политики прибегают к метафоре, поскольку она позволяет не

только объяснить, но и направить интерпретацию событий, сформировать нужный образ политика, партии или государства. Обращаясь к устойчивым образным моделям, политик активизирует в сознании адресата знакомые когнитивные схемы, тем самым упрощая сложные явления и задавая способ их оценки. По наблюдению А.П. Чудинова, метафора в политическом дискурсе выполняет функцию концептуализации и оценки [1].

Целью настоящего исследования является анализ моделирования образа России в англоязычных средствах массовой информации с 2022 по 2025 гг. на основе метафоры игры как одного из ключевых концептуальных фреймов политического дискурса.

Впервые понятие игры в контексте языка было описано Л. Витгенштейном. Он в своем исследовании использует игру как модель понимания языка. Язык, согласно Витгенштейну, представляет собой совокупность правил использования, которые можно сравнить с правилами игры. Игра, таким образом, выступает не метафорическим украшением, а аналитической моделью функционирования смысла [4].

Г. Бейтсон рассматривает игру как метакоммуникативный процесс. Согласно Бейтсону, договоренность о том, что это – игра, позволяет интерпретировать высказывания и действия в рамках игровой ситуации. Игровые рамки формируют особый способ понимания смысла, связывая игру с коммуникативной структурой языка. Так, когда два щенка кусают друг друга в игре, их действия выглядят как агрессия, но агрессией не являются. Таким образом, игра – это деятельность, сопровождаемая метасообщением [2].

В когнитивной лингвистике [3] метафора рассматривается как перенос структур из одной концептуальной области в другую. Метафора игры основана на классической концептуальной модели *POLITICS IS A GAME*, активно исследуемой в когнитивной лингвистике и политической риторике, представляя политические процессы в виде игры. Особую актуализацию данная метафора получает в период проведения военных действий, предвыборных кампаний и политических кризисов, упрощая сложные политические процессы через понятные составляющие игры.

С функциональной точки зрения метафора игры выполняет когнитивную, оценочную и прагматическую функции. Она структурирует абстрактные политические процессы, задает интерпретацию действий как честных или нечестных и направляет восприятие аудитории.

Особое значение метафора игры приобретает в англоязычном медиадискурсе при моделировании образа России.

На основе рассмотренных примеров игровой метафоры в моделировании образа России были выделены следующие концепты: «игра», «карточная игра», «шахматы», «игра в мяч».

Рассмотрим использование игровой метафоры на примере концепта «игра»:

On Monday the Kremlin's spokesman, Dmitri S. Peskov, played down Mr. Trump's decision to reposition submarines [The New York Times, 2025].

В выражении ‘play down Mr. Trump’s decision’, где ‘play down’ означает «преуменьшить значимость» политическая коммуникация концептуализируется как стратегическая деятельность. Реакция политика представляется не как объективная оценка события, а как сознательный коммуникативный прием, направленный на снижение его значимости.

Ukraine won’t play Putin’s ‘games’ with short truce [Business Standard, 2025].

Метафора направлена на делегитимизацию действий российской стороны. Выражение ‘to play games’ часто означает «манипулировать», «вести нечестную игру».

That is why Sarmat remains a trump card that Putin cannot pull from his sleeve – not because he is saving it for a decisive moment, but because the “no analogue” project has never approached the status of a combat ready weapon [Geopolitical monitor, 2025].

В данном высказывании реализуется развернутая игровая метафорическая модель. Ключевым концептом выступает образ ‘trump card’ (козырная карта), традиционно обозначающий скрытое преимущество, способное изменить исход игры. Перенос данной структуры на сферу военно-политической реальности формирует представление о стратегическом ресурсе, который может быть использован в решающий момент для достижения превосходства, в данном случае – новой российской ракеты «Сармат». Дополнительную образность создает выражение cannot pull from his sleeve, относящееся к ситуации карточного шулерства, когда карта скрывается в рукаве и извлекается неожиданно. Тем самым усиливается семантика скрытого маневра и демонстративного хода. Невозможность «вытащить козырную карту» объясняется не стратегическим расчетом, а отсутствием боеготовности.

Russia and the West are now at war. And the delicate dance leading to conflict between nuclear powers is a form of poker, not chess. Putin is used to bluffing and stealing the pot [3]. В примере реализуется противостояние двух видов игровых моделей: покерной и шахматной. Если шахматы традиционно символизируют рациональный стратегический расчет, то покер подразумевает риск, неполную информированность и возможность блефа. Лексемы ‘bluffing’ и ‘stealing the pot’ усиливают семантику психологического давления и манипулятивности. Образ России конструируется как субъекта, действующего в логике азартной игры с высокими ставками, что усиливает восприятие непредсказуемости и потенциальной опасности ее внешнеполитической стратегии.

Следующие примеры моделируют образ России на основе концепта «Шахматная игра» игровой метафоры:

Disinformation – Russia’s online game of chess [3]. Здесь реализуется шахматная модель игровой метафоры, с помощью которой информационная деятельность России концептуализируется как стратегическая партия в цифровом пространстве. В сочетании с лексемой ‘disinformation’ формируется образ России как системного и целенаправленного государства, осуществляющего стратегическое негативное информационное воздействие.

In the language of chess, Putin is in zugzwang. Any move he makes looks set to worsen his position [2]. Итак, концепт ‘zugzwang’ обозначает позицию

вынужденного хода, при которой любое действие ухудшает положение игрока. Перенос данной структуры на политическую реальность формирует образ России как государства, оказавшегося в ситуации стратегической безвыходности.

В следующем примере дипломатическое взаимодействие и международная политика представлены как игра или спортивное соревнование, где есть правила, цели и стратегические ходы: *Russia will only play ball with Ukraine by his rules* [4]. Метафора *play ball* превращает политический процесс в видимое и наглядное взаимодействие, где одна сторона задает правила, а другая должна им следовать. Она подчеркивает стратегическое преимущество и контроль России в отношениях с Украиной.

Исследование демонстрирует, что метафоры игры функционируют как мощный когнитивный инструмент, трансформирующий сложные политические процессы в наглядные игровые сценарии (шахматы, покер, карты). Эта модель не только упрощает восприятие, но и конструирует образ России как рационального, но часто непредсказуемого игрока, нарушающего правила игры и действующего в логике блефа или стратегического маневра.

Список литературы

1. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. Екатеринбург, 2001. – 224 с.
2. Bateson G. A theory of play and fantasy//Psychiatric Research Reports, 2. 1955. – P. 39–51.
3. Lakoff G. Johnson M. Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 244 p.
4. Wittgenstein L. Philosophical investigations. – Oxford: Blackwell, 1953. – 240 p.

ФУНКЦИИ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Кагерманова М.М.,

*магистрант 1 курса факультета иностранных языков
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
e-mail: mkagermanova54@gmail.com*

Шамилева Р.Д.,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
e-mail: razula.80@mail.ru*

Зекиева П.М.,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет»
e-mail: sekieva@mail.ru*

Аннотация. В данной статье, посвященной функциональному аспекту фразеологии, являющемуся одним из ключевых, охарактеризованы общие и частные функции фразеологизмов. В качестве общих, свойственных всем фразеологическим единицам, выделены коммуникативная, когнитивная (познавательная) и номинативная функции. Частными функциями являются экспрессивная, оценочная, культурно-маркирующая, эстетическая, мнемоническая функции, развивающиеся в рамках общих, базовых функций. Многообразие коммуникативных, экспрессивных и культурно-маркирующих возможностей делает фразеологизмы уникальным средством отражения человеческой личности, позволяя передавать систему ценностей народа из поколения в поколение.

Ключевые слова: фразеология, фразеологическая единица, константные и вариативные функции.

FUNCTIONS OF ENGLISH PHRASEOLOGICAL UNITS

Kagermanova M. M.,

*1st year Master's student Faculty of Foreign Languages
Kadyrov Chechen State University*

Shamileva R.D.,

*candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the English Language Department
Kadyrov Chechen State University*

Zekieva P.M.,

*candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department of Foreign Languages
Chechen State Pedagogical University*

Abstract. This article, devoted to the functional aspect of phraseology, which is one of the key aspects, characterizes the general and specific functions of phraseological units.

The communicative, cognitive and nominative functions are distinguished as general ones, inherent to all phraseological units. Private functions include expressive, evaluative, culture-specific, aesthetic, mnemonic functions which develop within the framework of general, basic functions.

The diversity of communicative, expressive, culture-specific possibilities makes phraseological units a unique means of reflecting the human personality, allowing the transmission of a people's value system from generation to generation.

Keywords: *phraseology, phraseological units, constant and variable functions.*

В языке фразеологические единицы (ФЕ) выполняют разнообразные функции, отражающие их многоплановую природу и сложную связь с мышлением, культурой и коммуникацией. Функциональный аспект фразеологии является одним из ключевых, поскольку именно через функции раскрывается живая роль устойчивых выражений в речевой деятельности.

По определению А.В. Кунина, функция – это роль, которую выполняет элемент в деятельности той структуры, частью которой он является [2]. Следовательно, функции фразеологических единиц предопределены их самой сущностью как устойчивых, семантически цельных, но формально сложных знаков языка.

Общие и частные функции фразеологизмов.

А.В. Кунин выделяет константные (присущие всем ФЕ) и вариативные (характерные только для отдельных групп) функции. К числу константных относятся коммуникативная, познавательная (когнитивная) и номинативная функции. Все остальные – экспрессивная, оценочная, культурно-маркирующая, эстетическая и мнемоническая – развиваются в рамках этих базовых функций, формируя иерархическую систему [2].

Такое понимание функционального аспекта фразеологии отражает структурную сложность фразеологических единиц: они одновременно называют, описывают, оценивают и воздействуют. Благодаря этому фразеологизмы представляют собой не просто лексико-грамматические конструкции, а особый пласт языковых средств, объединяющий когнитивные, коммуникативные и культурные уровни.

Коммуникативная функция.

Коммуникативная функция является основополагающей, поскольку назначение любой фразеологической единицы заключается в участии в процессе общения, то есть в передаче или обмене информацией. Как подчеркивает А.В. Кунин, общение предполагает двусторонний обмен высказываниями, а сообщение – одностороннюю передачу информации [2]. Фразеологизмы активно функционируют в обеих формах коммуникации, обеспечивая выразительность, лаконичность и эмоциональную насыщенность речи.

Например, в высказывании «*to show the white feather*» (струсить) коммуникативная цель достигается не только передачей факта, но и выражением оценки, создающей более объемное смысловое пространство. Таким образом, ФЕ не просто сообщают, но и влияют на восприятие сообщения, выполняя одновременно и прагматическую роль.

Коммуникативная функция охватывает все остальные: номинативную, познавательную, экспрессивную и эстетическую, так как именно в процессе общения они реализуются и получают свое практическое воплощение.

Номинативная функция.

Номинативная функция заключается в способности фразеологических единиц называть явления действительности. В отличие от слов, ФЕ нередко заполняют лексические лакуны, называя понятия, для которых нет односоставного обозначения. Так, выражения *«to kick the bucket»* (умереть), *«Achilles' heel»* (ахиллесова пята) выполняют роль своеобразных «наименований» сложных ситуаций или явлений.

А.В. Кунин различает нейтрально-назывную и стилистически маркированную назывную функции. В первом случае (например, *«brown paper»* – оберточная бумага) фразеологизм служит простым обозначением предмета, без экспрессии. Во втором – в переосмысленных идиоматических сочетаниях – номинативная функция приобретает эмоционально-оценочный оттенок и взаимодействует с экспрессивной функцией.

Познавательная (когнитивная) функция.

Познавательная функция тесно связана с номинативной. Она отражает процесс осмысления и интерпретации реальности, зафиксированный в устойчивых выражениях. А.В. Кунин отмечает, что фразеологизмы являются продуктом социально детерминированного сознания: они возникают в определенной культурно-исторической среде и закрепляют коллективный опыт познания. Так, пословица *«The apple never falls far from the tree»* («Яблоко от яблони недалеко падает») не просто обозначает родственные черты, но и обобщает наблюдения над поколениями, отражая социально-психологический закон наследования черт поведения.

Познавательная функция реализуется в способности фразеологизмов аккумулировать знания о мире, способствовать формированию картины мира и передаче культурно значимой информации. В этом проявляется когнитивная природа фразеологии, делающая её важным элементом языкового сознания народа.

Экспрессивная и эмоционально-оценочная функции.

Экспрессивность является одной из наиболее заметных характеристик фразеологизмов. Экспрессивно-образная функция выражается в усилении выразительности речи, в создании ярких образов и эмоциональной окраски высказывания.

Оценочная функция, в свою очередь, связана с выражением отношения говорящего к описываемому явлению. Большинство идиом несут положительную или отрицательную оценку, что позволяет сделать вывод о том, что через оценочную функцию фразеологизмы становятся средством категоризации опыта и формирования моральных норм. Важно отметить, что экспрессивная и оценочная функции тесно связаны с её прагматической установкой: ФЕ усиливают эмоциональный эффект высказывания и формируют общую тональность общения.

Функция экономии языковых средств.

Фразеологизмы отличаются семантической компрессией – способностью передавать развернутое содержание в краткой форме. Например, пословица *«don't count your chickens»* заменяет длинное рассуждение о необходимости осторожности и сдержанности в выводах. Экономия языковых средств делает фразеологизмы особенно продуктивными в устной речи, публицистике и рекламе, где ценится емкость выражения. Благодаря устойчивости формы, идиомы легко воспринимаются и служат эффективными когнитивными и коммуникативными инструментами.

Культурно-маркирующая функция. Фразеологизмы отражают национальную специфику мышления и культурные традиции народа. Они являются носителями этнокультурной информации, поскольку закрепляют элементы исторического опыта, верований, обычаев и ценностей. Так, английское *«carry coals to Newcastle»* (букв. «возить уголь в Ньюкасл») невозможно понять без знания британской действительности – города, известного добычей угля.

Благодаря культурно-маркирующей функции фразеологизмы служат не только языковыми единицами, но и культурными знаками, создающими «ментальный портрет» нации. Они выступают своеобразными маркерами национальной идентичности и отражают специфику народного юмора, морали, этических установок.

Эстетическая функция.

Эстетическая функция связана с художественно-образной ролью фразеологизмов в тексте. В художественной речи устойчивые выражения используются для создания стилистической выразительности, ритмичности, метафоричности. А.В. Кунин, ссылаясь на Э.С. Азнаурову, указывает, что стилистическая функция фразеологизма заключается в целенаправленном использовании языковых средств ради эстетического эффекта при сохранении общего содержания высказывания [2]. Кроме того, фразеологизмы придают речи индивидуальность, насыщают её культурными коннотациями и художественными оттенками.

Таким образом, эстетическая функция проявляется в том, что фразеологизмы делают язык не просто средством общения, а инструментом художественного воздействия и эстетического наслаждения.

Мнемоническая (кумулятивная) функция.

Особую роль играет мнемоническая или кумулятивная функция фразеологических единиц. Она заключается в сохранении и передаче коллективного опыта, накопленного поколениями. Пословицы и устойчивые выражения часто фиксируют народную мудрость, моральные установки и бытовые наблюдения, выступая в роли «языковой памяти» нации.

По Е.М. Верещагину и В.Г. Костомарову, кумулятивная функция тесно связана с директивной – управляющей и воспитательной функцией [1]. Пословицы вроде *«Look before you leap»* («Не зная броду, не суйся в воду») или *«Strike while the iron is hot»* («Куй железо, пока горячо») не только сохраняют традиционные нормы поведения, но и направляют человека, выполняя регулятивную роль в обществе.

Таким образом, фразеологизмы служат важным инструментом передачи культурного и нравственного наследия, обеспечивая преемственность коллективного сознания. Функциональный аспект фразеологизмов раскрывает их истинную природу как динамических единиц языка, в которых пересекаются когнитивные, коммуникативные, культурные и эстетические начала. Каждая из рассмотренных функций – от коммуникативной и номинативной до культурно-маркирующей и мнемонической – отражает определённую сторону взаимодействия языка и мышления, индивидуального и коллективного опыта.

Итак, рассмотрев основные функции фразеологических единиц в языке, можно сделать вывод, что именно многообразие их коммуникативных, экспрессивных и культурно-маркирующих возможностей делает фразеологизмы уникальным средством отражения человеческой личности. Через устойчивые выражения язык не только выполняет номинативную и эстетическую функции, но и передает систему ценностей, характерную для конкретного народа.

Список литературы

1. Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. – М.: Русский язык, 1983. – 262 с.
2. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. 2-е изд., перераб. – М.: Высш. шк.: Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996. – 381 с.

ЯЗЫК ЖЕСТОВ В РАЗНЫХ КУЛЬТУРАХ (на материале французского, русского и чеченского языков)

Магомадова М.У.,

*студентка 4 курса факультета иностранных языков
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
e-mail: magomadovamariam@mail.ru*

Дзейтова Х.Б.,

*доцент кафедры «Романские языки»
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
e-mail: dzeytovakhaifa@mail.ru*

Аннотация. Актуальность данной статьи обусловлена тем, что, несмотря на богатую теоретическую базу в области межкультурной коммуникации, сопоставительные исследования жестовой коммуникации в трёх столь различных культурах – французской, русской и чеченской – остаются редкостью. Французская культура принадлежит к западноевропейской традиции с высокой степенью экспрессивности, русская занимает промежуточное положение, а чеченская культура с её особыми традициями и менталитетом, коммуникативным поведением в отношениях со старшими и в гендерном плане представляет принципиально иную модель невербального поведения. Сопоставление этих трёх культур позволяет выявить как универсальные закономерности жестовой коммуникации, так и специфические культурные различия.

Ключевые слова: жесты, культура, символ, традиция, сравнительно-сопоставительный план.

SIGN LANGUAGE IN DIFFERENT CULTURES (Based on French, Russian, and Chechen Languages)

Magomadova M.U.,

*4th-year student of the Faculty of Foreign Languages
Kadyrov Chechen State University*

Dzeytova Kh.B.,

*associate Professor of the Faculty of Foreign Languages
Kadyrov Chechen State University*

Abstract. The relevance of this article is due to the fact that despite the rich theoretical base in the field of intercultural communication, comparative studies of gestural communication in three such different cultures – French, Russian, and Chechen – remain rare. French culture belongs to the Western European tradition with a high degree of expressiveness, Russian occupies an intermediate position, and Chechen culture, with its unique traditions and mentality, communicative behavior in relations with elders, and in terms of gender, represents a fundamentally different model of non-verbal behavior.

Keywords: gestures, culture, symbol, tradition, comparative-contrastive plan.

Межкультурная коммуникация представляет собой сложный многоаспектный процесс, требующий от участников не только языковой, но и

культурной компетентности. Как отмечают исследователи, чтобы избежать непонимания, люди должны не только говорить на одном языке, но и понимать «молчаливый язык» друг друга – невербальные коды, формирующиеся в рамках конкретной культуры.

История изучения невербальной коммуникации показала, что научный интерес к этой теме уходит корнями в античность, однако подлинно научное изучение языка жестов началось лишь в середине XX века с появлением кинесики и проксемики как самостоятельных дисциплин.

Работы Бердвистелла, Холла, Экмана и их последователей заложили фундамент, на котором строятся современные исследования в этой области. Язык жестов является одним из наиболее древних и универсальных средств человеческого общения.

Как справедливо отмечает Волкова, «язык невербальной коммуникации – это первый язык, который осваивает человек: новорождённый ребёнок с первых дней жизни подаёт сигналы взрослым о своих желаниях и потребностях, используя жесты, мимику, движения тела и интонации голоса, причём вне зависимости от той культуры, в которой он воспитывается» [3, с. 1].

В лингвистической литературе жесты определяются как «коммуникативные системы, план выражения которых строится не на акустической, как в звуковых языках, а на кинетической – жестикулярно-мимической – основе» [2, с. 153]. Более широкое определение предлагает кинесика – наука о жестах, мимике и движениях тела, которую В.Н. Ярцева определяет как «совокупность кинем – значимых жестов, мимических и пантомимических движений, входящих в коммуникацию в качестве невербальных компонентов при непосредственном общении коммуникантов» [10, с. 234].

Жесты играют немаловажную роль в понимании собеседника и установлении связи с ним, что способствует наиболее эффективному достижению целей, поставленных перед участниками коммуникативного процесса. В научной литературе принято выделять две основные группы жестов – эмоциональные выражения и сигналы диалога. Эмоциональные выражения являются прямым отражением внутреннего состояния говорящего и делают речь более выразительной. Сигналы диалога, в отличие от них, осваиваются путём обучения и варьируются от культуры к культуре (Семченко, 2023).

По функциям жесты принято делить на иллюстраторы – описательные жесты, сопровождающие речь; эмблемы – жесты, заменяющие слова; адапторы – жесты, отражающие внутреннее состояние человека. Пол Экман, говоря об эмблемах, подчёркивал: «эмблемы имеют очень конкретное значение, известное каждому, принадлежащему к определённой культурной группе» [8, с. 3]. Именно эта группа жестов представляет наибольший интерес для межкультурной коммуникации, поскольку значение одной и той же эмблемы может кардинально различаться в разных культурах.

Особую роль язык жестов играет в ситуациях, когда говорящие не владеют общим языком. В таких случаях невербальные знаки становятся основным

средством передачи информации. Однако именно здесь и возникает наибольшая опасность недопонимания.

Как отмечает Стефаненко, «чтобы избежать непонимания, люди должны не только говорить на одном языке, но и понимать «молчаливый язык» друг друга, поскольку невербальная коммуникация может быть не только сопровождением речи, но и полностью замещать её» [7, с. 4].

Анализ языка жестов как компонента межкультурной коммуникации подтвердил, что невербальные средства играют ключевую роль в передаче информации – по различным оценкам, от 55 до 80 процентов всего объёма коммуникации приходится именно на них. При этом жесты подразделяются на эмоциональные выражения, имеющие биологическую основу, и сигналы диалога, усваиваемые в процессе социализации и варьирующиеся от культуры к культуре, но, несмотря на различия, во многих культурах можно найти сходства.

Мы рассмотрели жестовый язык в трёх культурах – французской, русской и чеченской в сравнительно-сопоставительном плане.

Сравнительный подход даёт возможность выявить как универсальные закономерности невербального поведения, общие для всех трёх культур, так и специфические черты, отражающие уникальность каждой из них. В разных социокультурных пространствах жесты, принятые нами как универсальные, имеют разное значение – иногда такое же, как и в нашей культуре, а иногда абсолютно противоположное.

Несмотря на значительные культурные различия между Францией, Россией и Чечнёй, ряд невербальных сигналов функционирует одинаково во всех трёх культурах. Это объясняется тем, что некоторые жесты и мимические реакции имеют биологическую основу и не зависят от культурного контекста.

Прежде всего это касается базовых эмоций, которые Экман определял как биологически врождённые и универсальные для всех людей, независимо от их культурной принадлежности [8, с. 176]. Радость выражается улыбкой, печаль – опущенными уголками губ, удивление – широко раскрытыми глазами и приподнятыми бровями, гнев – нахмуренными бровями и напряжённым взглядом. Все эти реакции одинаково считываются представителями французской, русской и чеченской культур.

Среди жестов рук также выделяется группа, имеющая близкое значение во всех трёх культурах:

Пожимание плечами как выражение незнания или безразличия одинаково понимается во Франции, России и Чечне.

Кивок вперёд в большинстве ситуаций означает согласие.

Покачивание головой из стороны в сторону означает несогласие или отрицание.

Потираание рук воспринимается как предвкушение или удовольствие.

Взмах рукой в сторону при прощании понимается одинаково.

Приложение пальца к губам означает просьбу о тишине.

Данные универсальные жесты составляют своеобразный базовый невербальный словарь, понятный без специального обучения представителям всех трёх культур. Именно на этом фундаменте строится возможность

элементарного невербального общения даже при полном отсутствии общего языка. Универсальные жесты уместно отобразить отдельно:

- 1) кивок вперёд как знак согласия;
- 2) покачивание головой как отрицание;
- 3) пожимание плечами как выражение незнания или безразличия;
- 4) потирание рук как предвкушение;
- 5) палец к губам как просьба о тишине;
- 6) широко раскрытые глаза как удивление;
- 7) улыбка как радость и расположение;

Значительно более обширную группу составляют жесты, которые внешне схожи в трёх культурах, однако различаются по значению, интенсивности или контексту употребления. Именно эта группа представляет наибольший практический интерес, поскольку частичное сходство нередко создаёт иллюзию понимания там, где его на самом деле нет (Особенности кинесики).

Рукопожатие

Во *французской культуре* рукопожатие является стандартной формой приветствия, не зависящей от пола или возраста собеседников. Оно короткое, энергичное и может повторяться ежедневно при встрече с одними и теми же людьми. Отказ от рукопожатия воспринимается как грубость.

В *русской культуре* рукопожатие традиционно считается мужским приветствием. Рукопожатие между женщинами или при первом знакомстве с женщиной менее распространено. Крепость рукопожатия имеет значение – слишком слабое воспринимается как признак ненадёжности характера.

В *чеченской культуре* рукопожатие строго регламентировано иерархией – младший первым протягивает руку старшему. Рукопожатие между мужчиной и женщиной в традиционной среде недопустимо. Оно сопровождается лёгким поклоном и нередко прикладыванием левой руки к груди как знаком искреннего уважения [9].

Зрительный контакт

У *французов* прямой и длительный зрительный контакт является нормой и демонстрирует заинтересованность и уважение. Отведение взгляда воспринимается как неуверенность.

В *русской культуре* зрительный контакт умеренный – слишком длительный взгляд в глаза незнакомому человеку может быть воспринят как агрессия или вызов.

В *чеченской культуре* прямой взгляд в глаза старшему по возрасту или статусу воспринимается как неуважение или вызов. Опустить глаза в присутствии старших – знак почтения [3].

Улыбка

Французская улыбка избирательна и искренна – улыбаться незнакомым людям на улице не принято.

Русская улыбка также избирательна – широкая улыбка незнакомцу воспринимается как неестественная или неискренняя. Это нередко создаёт у иностранцев впечатление холодности русских людей.

В *чеченской культуре* открытая улыбка и тем более громкий смех в присутствии старших или незнакомых людей традиционно сдерживаются, особенно у женщин. Как показывают Гасанова и Гамидова, женщина в кавказской традиции, если улыбалась или смеялась на людях, прикрывала рот рукой [4, с. 560].

Наиболее показательны случаи, когда один и тот же жест имеет принципиально разное или даже противоположное значение в трёх культурах. Именно эти различия чаще всего становятся причиной коммуникативных сбоев при межкультурном взаимодействии [6].

Жест «о'кей»

Во *французской культуре* кружок из большого и указательного пальца означает «ноль» или «ничего» и нередко воспринимается пренебрежительно [5, с. 114].

В *русской культуре* под влиянием американской традиции этот жест всё чаще воспринимается как одобрение.

В *чеченской культуре* данный жест не имеет устойчивого традиционного значения.

Указательный жест

Во *французской и русской культурах* указывать пальцем на объект – нормальный способ обозначить направление или предмет.

В *чеченской культуре* указывать пальцем на человека считается грубостью и нарушением этикета. Для указания на человека принято использовать жест открытой ладони или кивок головы.

Поза при сидении

В *западноевропейской традиции*, включая французскую, закинуть ногу на ногу при сидении – нейтральная поза.

В *русской культуре* она также в целом воспринимается нейтрально.

В *чеченской культуре* подобная поза в присутствии старших воспринимается как проявление неуважения. Особенно недопустимым считается направлять подошву обуви в сторону собеседника [9].

Жест «большой палец вверх»

Во *французской и русской культурах* этот жест означает одобрение и широко используется в повседневном общении.

В *чеченской культуре* он используется редко и может восприниматься как чрезмерно фамильярный.

Физический контакт в общении

Французская культура относится к контактным: прикосновения к руке, плечу или спине собеседника в процессе разговора – норма, демонстрирующая заинтересованность.

В *русской культуре* физический контакт умеренный – допустимо прикосновение к руке при разговоре с близким человеком.

В *чеченской культуре* физический контакт в публичном пространстве строго ограничен, особенно между людьми разного пола или возраста [1].

Гендерный фактор оказывает существенное влияние на невербальное поведение во всех трёх культурах, однако степень этого влияния и конкретные

нормы принципиально различаются. Буралова и Бахаева в своём исследовании гендерно маркированных особенностей невербального поведения подчёркивают, что гендерная принадлежность говорящего задаёт определённую рамку ожиданий в отношении его невербального поведения, и нарушение этой рамки воспринимается окружающими как отклонение от нормы [1].

Сравнительный анализ выявил три группы жестов. Универсальные жесты – кивок, покачивание головой, пожимание плечами, улыбка, базовые мимические реакции – понимаются одинаково во всех трёх культурах и составляют минимальный невербальный словарь, работающий без перевода. Жесты с частично совпадающей интерпретацией – рукопожатие, зрительный контакт, объятие – внешне схожи, однако различаются по контексту, интенсивности и гендерной обусловленности. Наконец, жесты с принципиально различной интерпретацией – жест «о'кей», указательный жест в сторону человека, поза при сидении, степень физического контакта – представляют наибольшую опасность для межкультурной коммуникации, поскольку именно они чаще всего становятся источником коммуникативных сбоев.

Практические ситуации, разобранные в исследовании, наглядно показали, что один и тот же жест может нести положительный смысл в одной культуре и восприниматься как нейтральный или даже оскорбительный в другой – причём ни одна из сторон не осознаёт источника недопонимания. Это подтверждает тезис о том, что незнание культурной специфики невербального поведения является не менее серьёзным барьером для эффективной коммуникации, чем незнание языка.

Список литературы

1. Бахаева Л.М. Анализ формул прощания в контексте школьного изучения (на материале языка русской и чеченской художественной литературы) / Л.М. Бахаева, Т.Д. Магомадова // Вестник Калмыцкого университета. 2024. № 1 (61). – С. 40–47.
2. Беликов В.И. Жестовые языки // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. – С. 153.
3. Волкова А.О. Роль невербальных коммуникаций в современном межкультурном взаимодействии / А.О. Волкова // Педагогические науки. – Новосибирск: НГПУ, 2019. – С. 1–4.
4. Гасанова С.Н. Невербальные средства выражения эмоций (на материале фразеологических единиц русского и лезгинского языков) / С.Н. Гасанова, А.И. Гамидова // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 2 (81). – С. 559–561.
5. Пиз, А. Язык телодвижений / А. Пиз, Б. Пиз. – М.: Эксмо, 2016. – 400 с.
6. Семченко А.Е. Жесты и их значение в межкультурной коммуникации / А.Е. Семченко // Сборник научных статей. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2023. – С. 363–364.
7. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: учебник для вузов / Т.Г. Стефаненко. 4-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 368 с.
8. Экман П. Психология лжи. Обмани меня, если сможешь. – СПб.: Питер, 2017. – 384 с.
9. Яблонская Т. Роль жестов в межкультурном общении / Т. Яблонская, К. Эминова. – Одесса: ЮНПУ имени К. Д. Ушинского. – 4 с.
10. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 682 с.

УДК 81:001

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ: СОХРАНЕНИЕ ЧЕЧЕНСКОГО ЯЗЫКА И ВЛИЯНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Муртазалиева А.А.,

*студентка 2 курса Института экономики и финансов
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова»
e-mail: miss1111@mail.ru*

Сардалова Л.Р.,

*доцент кафедры иностранных языков
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова»
e-mail: miss1111@mail.ru*

Аннотация. Чеченский язык имеет богатую историю и культурное значение для народа Чечни. Однако в современном мире, где русский язык занимает доминирующее положение, чеченский язык стал испытывать серьезные трудности в сохранении и развитии. Согласно исследованиям, ситуация с чеченским языком представляет серьезную угрозу его сохранению, поскольку он уже включен во «Всемирный атлас исчезающих языков» по оценкам экспертов ЮНЕСКО. Это печальная тенденция, которая требует немедленных действий со стороны государства и общественности.

Ключевые слова: чеченский язык, чеченцы, угроза, сохранение, программы, культура, достояние.

THE LINGUISTIC SITUATION IN THE CHECHEN REPUBLIC: THE PRESERVATION OF THE CHECHEN LANGUAGE AND THE INFLUENCE OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Murtazalieva A.A.,

*2nd-year student, Institute of Economics and Finance
Kadyrov Chechen State University*

Sardalova L.R.

*Associate Professor of the Department of Foreign Languages
Kadyrov Chechen State University*

Abstract. The Chechen language has a rich history and cultural significance for the people of Chechnya. However, in the modern world, where the Russian language has a dominant position, the Chechen language has begun to experience serious difficulties in preservation and development. According to research, the situation with the Chechen language poses a serious threat to its preservation, since it is already included in the World Atlas of Endangered Languages, according to UNESCO experts. This is a sad trend that requires immediate action from the state and the public.

Keywords: Chechen language, Chechens, threat, preservation, programs, culture, heritage.

Чеченская Республика, расположенная на севере Кавказа, имеет богатую историю и культуру. Важной частью этой культуры является чеченский язык, который считается одним из наиболее древних языков на территории России.

Однако в последние десятилетия ситуация с чеченским языком стала противоречивой из-за ряда проблем, возникших в процессе исторического развития региона.

Исторически чеченцы охраняли свою культуру и традиции, включая язык, в условиях тяжелых периодов войн и преследований. Однако в последние десятилетия глобализация, миграция, а также смена социокультурных приоритетов привели к тому, что молодое поколение чеченцев все меньше говорит на родном языке. Одной из причин снижения уровня знания чеченского языка среди молодежи является большое влияние русского языка и российской культуры. Русский язык используется в официальных документах, образовании, СМИ, что делает его более привлекательным для молодежи, стремящейся к успешной карьере и участию в современной жизни. Кроме того, в современном обществе часто считается, что знание русского языка дает больше возможностей для обучения, работы и общения.

Для решения этих проблем были разработаны программы по сохранению и развитию чеченского языка. Например, введение обязательного изучения чеченского языка в школах и вузах региона, создание центров и музеев, посвященных чеченскому языку и культуре, а также проведение мероприятий, направленных на популяризацию чеченского языка среди молодежи.

Так, закон Чеченской Республики «О языках в Чеченской Республике» от 25 апреля 2007 года ставит общенациональную задачу, предполагающую сохранение и развитие чеченского языка, официально признанного государственным языком согласно Конституции Чеченской Республики, и утверждение его как главного культурного богатства чеченского народа [2]. Чеченский язык, который имеет более полутора миллионов носителей, включен во «Всемирный атлас исчезающих языков» по оценкам экспертов ЮНЕСКО. И закон о языках в Чеченской Республике направлен на защиту и укрепление статуса чеченского языка как ключевого элемента национальной идентичности. Ведь как говорил Александр Семёнович Шишков, выдающийся государственный и общественный деятель XIX столетия, министр просвещения и Президент Российской Академии наук: «Хочешь погубить народ, истреби его язык».

И одним из первых шагов в сохранении национального достояния чеченского народа должно стать изучение истории языка. История чеченского языка богата и уходит корнями в глубокую древность. Сам язык относится к северо-восточно-кавказской семье языков, имеет собственную письменность, и его грамматика обладает рядом уникальных особенностей.

Чеченский язык – это язык народа нохчий (самоназвание чеченцев), он принадлежит к кавказской языковой семье, которая делится на западную (абхазо-адыгскую) и восточную (нахско-дагестанскую) группы. Среди живых нахских языков можно выделить чеченский, ингушский и бацбийский [3, с. 106].

Большой вклад в развитие чеченского языка внес русский ученый П.К. Услар, который написал монографию «Чеченский язык». Его развитие продолжилось изданием работы Н.Ф. Яковлева «Синтаксис чеченского литературного языка». Также стоит отметить Т. Эльдарханова, который разработал алфавит для своего родного языка. Немаловажную роль сыграли

лингвисты Ю.Д. Дешериев, А. Яндаров, Х. Ошаев, Д.Д. Мальсагов, который написал «Чечено-ингушскую диалектологию», Х.Г. Гутиев, который составил школьные учебники и крупный орфографический словарь чеченского языка, а также М.Д. Чентиева и И.Г. Арсаханова. В последние годы появились молодые перспективные ученые, такие как К. Чокаев и И. Алироев, продолжающие традицию исследований чеченского языка [1, с. 206].

Важным этапом в развитии чеченского языка стало издание Мальсаговым А. чеченско-русского словаря, над которым он работал в течение 20 лет. Несмотря на то, что данная работа увидела свет в 1962 году, она до сих пор актуальна и широко используется представителями нашего народа. Данный труд имеет объем 629 страниц, на которых насчитывается 20 000 слов, что объясняет его важность и ценность для носителей чеченского языка.

Недавно также был выпущен «Большой орфографический словарь чеченского языка», состоящий из 8000 страниц и 140 000 слов. Словарь издан с целью популяризации чеченского языка, а также для помощи носителям, которые испытывают трудности при письме на родном языке, поскольку в чеченском языке есть несколько форм одних и тех же слов, что вызывает затруднения у многих чеченцев. В словаре представлены начальные формы слов.

Языковая ситуация в Чеченской Республике выступает важной темой для исследования. Несмотря на существующие проблемы, развитие чеченского языка может быть связано с активным вовлечением молодежи, созданием новых образовательных и культурных программ, а также с поддержкой со стороны государства и общественности.

Следующим важным шагом в сохранении чеченского языка является его использование в сфере информационных технологий. В эпоху цифровизации данный феномен имеет важное значение. Разработка приложений, сайтов и программ на чеченском языке способствует распространению и укреплению позиций языка в современном мире. Так, все большую популярность среди молодежи не только нашего региона, но и других регионов – туристов – приобретают приложения, созданные с целью изучения и углубления знания чеченского языка, к которым относятся «Бекалахь нохчийн мотт», «Иэс: нохчийн мотт» и другие.

Также важное значение имеет использование нашего родного языка в средствах массовой информации. Как мы знаем, основная информация, которая доносится до общества, доносится на русском языке, и нынешнее поколение привыкает постоянно слышать только русский язык. Различные рекламы, интервью, репортажи – все это представляется не на нашем родном языке. Поэтому большое значение имеет именно распространение нашего языка в СМИ и журналах. Кроме того, многие слова, используемые журналистами, являются заимствованными из русского языка, что создает новую проблему, которая требует незамедлительного решения. Также стоит увеличить количество выпускаемых журналов и газет на чеченском языке. В связи со сложившейся ситуацией бумажные версии многих печатных изданий приостановили свой выпуск. Поэтому возникает необходимость в стимулировании общества на чтение газет и журналов на родном языке путем выпуска их на наиболее

интересные темы для различных возрастных групп. Это можно сделать путем проведения опроса среди различных групп населения.

Несмотря на все трудности, существует определенный прогресс в развитии чеченского языка. Чеченцы все чаще начинают осознавать важность сохранения своего родного языка, как части своей идентичности и культурного наследия. Поэтому на сегодняшний день различные организации и общественные деятели активно работают над развитием чеченского языка. Для решения проблемы сохранения и развития чеченского языка руководством ЧР проводится ряд мероприятий.

Важность этой работы была подчеркнута Указом Главы Чеченской Республики Рамзана Кадырова, который в 2007 году установил особый праздник – День чеченского языка, который отмечается 25 апреля. Каждый год организуется работа по популяризации и сохранению родного языка в республике. В рамках подготовки к этому празднику проводятся различные мероприятия, такие как фестиваль-конкурс «Бекалахь, ненан мотт!», встречи с писателями и поэтами, конкурсы театральных коллективов и лучших чтецов стихов на чеченском языке.

Кроме того, Указом Главы Чеченской Республики Рамзана Кадырова от 28 ноября 2022 года 2023 год был объявлен Годом чеченского языка, в связи с чем было проведено множество мероприятий, торжественных встреч, конкурсов, флешмобов, издано справочное пособие «Все о чеченском языке» и предприняты другие меры по совершенствованию знания и привитию любви к чеченскому языку у его носителей.

Важную роль в сохранении и развитии чеченского языка играют Экспертный совет и Терминологическая комиссия ЧР. В 2019 году рабочая группа Экспертного совета разработала основные правила орфографии чеченского языка, что позволило переиздать учебники и выпустить Большой орфографический словарь. Подготовка однотомного словаря также находится на завершающей стадии.

Глава Чеченской Республики, Рамзан Ахматович Кадыров, выразил беспокойство по поводу включения нашего родного языка в список языков, находящихся под угрозой исчезновения. Он призвал начинать обучение родному языку с детского сада, активно использовать его в школах, вузах, а также в повседневной жизни.

Таким образом, правительство Чеченской Республики активно поддерживает проведение различных мероприятий, направленных на пропаганду и развитие чеченского языка.

Как отмечалось ранее, одной из основных причин угрозы исчезновения чеченского языка является влияние русского языка. В современной чеченской общественной среде русский язык занимает преобладающее положение и используется в повседневном общении, образовании и средствах массовой информации. Это приводит к тому, что молодые поколения все реже общаются на чеченском языке и предпочитают русский. Одной из причин забвения новым поколением родного языка является давление родителей, которые с детства

приучают своих детей говорить на русском языке ввиду того, что основная часть образования, а в дальнейшем и работа ведется на русском языке.

Также в настоящее время наблюдается ситуация использования в повседневной речи обоих языков. Так, элементы русского языка включаются в речь на чеченском языке и наоборот. Особенную тревогу вызывают имена числительные на чеченском языке, которые практически не используются представителями народа и их можно встретить только в учебниках и в официальных документах. Специалисты выражают беспокойство по поводу заимствования русских слов в чеченский язык. Дефиниция соответствующих понятий средствами родного языка предложена как один из методов устранения иноязычной лексики, но ее ограниченность обусловлена сложностью осмысления и контекстом использования.

Смешение чеченского и русского языков, особенно в городах, вызывает тревогу и вопросы о выборе языка общения с детьми, в результате чего усиливается роль школы в сохранении языка как культурного наследия. Чеченцы, изучавшие родной язык в школе, обычно уверенно отвечают на лингвистические вопросы и способны общаться на различных говорах и диалектах чеченского языка. Таким образом, школа играет ключевую роль не только в приобщении к русскому языку, но и в сохранении национального языка. Объем общения в школе значителен, и это способствует разностороннему развитию языковых навыков.

Язык – это неотъемлемая часть нашей жизни, через него мы общаемся, передаем свои мысли и чувства. В многонациональной России важно знать и уважать как русский, так и чеченский языки, так как они оба являются государственными. Каждый язык уникален и важен для сохранения культурного наследия и идентичности народа. Будущие поколения должны беречь и развивать чеченский язык, потому что язык – это не просто средство общения, это ключ к сохранению нации. Родной язык несравненно ценен, и его нельзя заменить ничем. Он уникален и достоин восхищения.

Список литературы

1. Дешериев Ю.Д. Чеченский язык // Языки народов СССР. Т. 4. Иберийско-кавказские языки. – М., 1967. – С. 190–209.
2. Закон от 25.04.2007 г № 16-РЗ «О языках в Чеченской Республике».
3. Орел В., Старостин С. О принадлежности этрусского языка к восточно-кавказской языковой семье//Кавказ и цивилизации Древнего Востока. – Орджоникидзе, 1989. – С. 106.
4. Родной язык – главный символ самобытности чеченского народа [Электронный ресурс]. Режим доступа: Вести Чеченской Республики (vesti095.ru). (Дата обращения: 05.04.2024).

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПИСЬМЕННОСТЕЙ И ЗАИМСТВОВАНИЙ В СЕВЕРНОКИТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Наурбиев И.В.,

студент 2 курса факультета иностранных языков

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет имени А. А. Кадырова»

e-mail: reitugen06@gmail.com

Даутмурзаева З.Г.,

старший преподаватель кафедры «Английский язык»

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет имени А. А. Кадырова»

e-mail: zdautmurzaeva@gmail.com

Аннотация. Данная статья посвящена сопоставительному анализу письменностей и заимствований в севернокитайских диалектах (гуаньхуа). Рассматриваются традиционная и упрощённая иероглифика, а также неиероглифические системы записи – дунганская кириллица и арабографический сяоэрцзин. Анализируются два основных механизма заимствования иностранной лексики: семантическое калькирование и фонетическая транслитерация. Особое внимание уделяется дунганскому языку как уникальному примеру лексического синкретизма, объединяющего русскую, арабо-персидскую и китайскую лексику. **Ключевые слова:** гуаньхуа, севернокитайский язык, иероглифика, дунганский язык, сяоэрцзин, заимствования, калькирование, транслитерация, лексический синкретизм.

COMPARATIVE ANALYSIS OF WRITINGS AND BORROWINGS IN NORTH CHINESE LANGUAGES

Naurbiev I.V.,

2nd year student of the Faculty of Foreign Languages

Kadyrov Chechen State University

Dautmurzaeva Z.G.,

Senior Lecturer at the Department of English,

Kadyrov Chechen State University

Annotation. This article focuses on a comparative analysis of scripts and loanwords in the Northern Chinese dialects (Guanhua). It examines traditional and simplified characters, as well as non-character writing systems such as the Dungan Cyrillic alphabet and the Arabic-based Xiaoerjing. The article analyzes two main mechanisms of borrowing foreign vocabulary: semantic calque and phonetic transliteration. Special attention is given to the Dungan language as a unique example of lexical syncretism, which combines Russian, Arabic-Persian, and Chinese vocabulary.

Keywords: guanhua, Northern Chinese, hieroglyphics, Dungan language, Xiaoerjing, borrowings, calques, transliteration, and lexical syncretism.

На сегодняшний день крупнейшими по количеству носителей являются китайские языки [9]. Они относятся к сино-тибетской языковой семье [25]. Дискуссионным остаётся вопрос, считать ли китайский единым языком или ветвью диалектов. Проблема «язык или диалект» не является новой в синосфере,

поскольку этногеография Китая является разнородной – на сегодняшний день население КНР официально разделено на 56 национальностей, среди которых самая распространенная – народ хань 汉族 (на 2020 год численность составляла 1,28 млрд человек из 1,41 млрд человек) [27]. Они являются потомками древних равнинных китайцев, живших у вод Хуанхэ [13]. Китайские языки оказали огромное влияние на всю восточноазиатскую культурную сферу и, в частности, на культуру таких государств, как Япония, Корея, Вьетнам.

Позиция автора состоит в том, что единого китайского языка не существует: китайский представляет собой ветвь отличающихся друг от друга диалектов. Крупнейшим из них является севернокитайский, другое общепринятое название – мандарин (官话 гуаньхуа), что переводится как «язык чиновников». Это калька с названия «мандарин», которое дали прибывшие в 16 веке португальцы при виде китайских чиновников, командированных с севера [7].

Его стандартная разновидность в КНР называется путунхуа (普通话), что переводится как «стандартная речь». Помимо КНР, севернокитайский используется и в других странах Азии, таких как Сингапур, Малайзия и Индонезия, а также в китайской диаспоре, распространенной по всему земному шару [3]. В сравнении с другими китайскими языками севернокитайский, безусловно, представляет особый интерес для исследования из-за своей гибкости, что обуславливает единообразие лингвогеографии. С целью выяснения закономерностей развития письменностей в северных регионах Китая, а также механизмов заимствований, в данной статье будет проведен сопоставительный анализ различных систем письменностей в севернокитайских диалектах, а также заимствований.

Основная часть

Севернокитайский язык в китайской лингвистике именуется гуаньхуа (мандарин) [7] и включает в себя все стандартные разновидности, в том числе путунхуа (普通话) КНР, хуаюй (华语) Сингапура и Малайзии и др. [20]. Распространенности языка гуаньхуа во многом поспособствовали особенности географии Северного Китая – народы свободно мигрировали через равнины севера, северо-востока, северо-запада и юго-запада [12]. Согласно карте диалектов в КНР, крайними точками распространения гуаньхуа являются Хэйлунцзян на северо-востоке, Ганьсу на северо-западе, Юньнань на юго-западе [23]. Горная география юго-восточного Китая и центральной провинции Шаньси не позволила языку гуаньхуа эффективно осесть на данных территориях, из-за чего возникло множество не связанных между собой китайских диалектов (цзинь, у, хуэй, гань, сян, минь, юэ, пинхуа, хакка) [23, 16, 11]. История гуаньхуа как отдельного языка начинается примерно с 959 года н. э., во времена империи Сун [13]. Привычный вид и престиж гуаньхуа получит только ко второй половине 20 века, когда он станет государственным языком во многих странах синосферы [4].

Как и другие китайские диалекты, современная письменность севернокитайского языка в большинстве своём основывается на традиционных (

繁体字) и упрощенных иероглифов (简化字). Иероглифы строятся из черт, которые образуют графические элементы. Некоторые иероглифы не делятся на элементы, другие состоят из двух и более элементов, причём возможно их вложенное членение. Отдельные элементы изменяют свою форму в составе сложных знаков. Элементы могут располагаться различными способами – вертикально, горизонтально, а также во вложенной, описанной или наложенной конфигурации. В словарях иероглифы группируются по ключевым элементам (ключам); каждый иероглиф имеет только один ключ. В современной лексикографии обычно используется система из 214 ключей.

Традиционные иероглифы существуют с 5 века н. э., со времен династии Хань [19], и по сей день используются в определенных административных районах КНР (Макао, Гонконг) и за её пределами. Их прототипом являются **цзягувэнь** (甲骨文) – гадательные надписи на костях крупного скота и панцирях черепах, датирующиеся 15 веком до нашей эры [24]. На сегодняшний день обнаружено порядка 5000 различных иероглифов цзягувэнь. Примерно 1500 из них расшифрованы и признаны прямыми предками современных китайских иероглифов [18].

Из-за сложности традиционных иероглифов грамотность в Китае была привилегией высших классов (шаманов, затем чиновников), что порождало разрыв между сословиями. Знание письменности давало престиж и было обязательным для сдачи имперских экзаменов Кэцзюй. После падения империи остро встал вопрос о языковой реформе: письменный язык (**вэньянь**), основанный на древних иероглифах, был слишком далёк от разговорного севернокитайского языка, что делало его недоступным для большинства населения. Именно это несоответствие подтолкнуло переход на **байхуа** – письменность, ориентированную на живую речь. Данный процесс является ярким примером языковой вернакуляризации, впоследствии ставшим общим для возникновения новых стандартов гуаньхуа [5].

Переход к байхуа (письменности на основе живого севернокитайского наречия) после падения империи и последующая кодификация нового северного пекинского произношения в качестве государственного стандарта (**путунхуа**) стали единым решением, преодолевшим разрыв между архаичной иероглифической письменностью и устной речью. Современные упрощённые иероглифы появились ещё в 1930–1940 годах в рамках устранения безграмотности среди населения правительством КНР [19]. Официальный статус упрощенные иероглифы получили в 1964 году после выпуска правительством КНР «Сводной таблицы упрощения иероглифов», в которой содержался список из 2238 иероглифов, заменяемых упрощёнными вариантами [28] (в последней редакции за 2013 год подверглись изменению уже более 8105 иероглифов) [30].

Иероглифы упрощались разными методами:

Метод	Трад.	Упр.	Значение
1. Замена сложных частей	對	对	верный, отвечать
2. Изменение фонетики	潔	洁	чистый
3. Удаление компонентов	廣	广	широкий
4. Курсивное начертание	書	书	книга, писать
5. Древняя форма	網	网	сеть
6. Ключ-ключ	體	体	тело
7. Ключ-фонетика	護	护	защищать
8. Замена на омофон	後	后	после, позади
9. Объединение	髮 / 發	发	волосы / отправлять
10. Упрощение 門 в 门	問	问	спрашивать
11. Исключение (門 опущен)	開	开	открывать

Также для повышения грамотности населения и преодоления языкового барьера во второй половине 20 века в Китае была разработана и в 1958 году официально утверждена система пиньинь (拼音), представляющая собой запись звуков китайского языка буквами латинского алфавита, которая стала международным стандартом [6].

Данное упрощение помогло повысить образованность населения, поскольку благодаря кампании по ликвидации неграмотности уровень неграмотности в Китае в 1949 году снизился до 52%, и около 100 миллионов человек стали грамотными [2, 1]. Однако это вызвало недовольство среди консервативного слоя китайской общины. Среди носителей традиционной иероглифики распространено мнение, что упрощённые иероглифы не могут считаться стандартными, поскольку они используются не всеми носителями китайского языка, в отличие от традиционных, которые являются исходной формой письма и никогда специально не усложнялись.

Заимствования в севернокитайском можно разделить на два основных механизма. Первый – семантическое калькирование, при котором новое сложное слово из китайских корней буквально переводит значение иностранного понятия.

Так, *computer* становится «электрическим мозгом» (电脑, diànnǎo), а *telephone* – «электрической речью» (电话, diànhuà). Второй механизм – фонетическая транслитерация, где иероглифы подбираются по звучанию, максимально приближённом к оригиналу: *coffee* превращается в 咖啡 (kāfēi), *chocolate* – в 巧克力 (qiǎokèlì). У транслитерации есть недостатки: иероглифы не предназначены для точной передачи звуков, а каждый знак имеет собственное значение, что делает транслитерированное слово бессмысленным при буквальном прочтении. Тем не менее оба механизма активно используются в современном севернокитайском языке, и выбор между ними часто зависит от сферы употребления: для технических и научных терминов предпочтительнее калькирование, тогда как для названий брендов, блюд и заимствований из массовой культуры – транслитерация [21].

Однако у гуаньхуа существуют и неиероглифические письменные системы. Ярким примером является дунганский язык – диалект севернокитайского, носителями которого являются дунгане (回族) – народ, издавна исповедовавший ислам и проживавший в провинциях Шэньси и Ганьсу, где был распространён язык гуаньхуа. Ныне дунгане проживают в Узбекистане, Кыргызстане, Казахстане, Китае [23, 22].

Яркой особенностью диалекта современных дунган является письменность, за основу которой была взята кириллица. Алфавит дунганского языка состоит из 38 букв кириллической системы. Несмотря на наличие «парных» согласных по типу *б-п*, в дунганском диалекте, так же как и в других диалектах гуаньхуа, нет разделения на звонкость и глухость, а есть на придыхательность и беспридыхательность. Также в дунганской письменности тоны слогов обычно не обозначаются, поэтому написание «ма» может соответствовать разным по смыслу словам («мать», «лошадь», «ругать»), которые различаются только тоном. В словарях и грамматиках тоны иногда указывают римскими цифрами (I, II, III для ганьсуйского диалекта) после слова. В некоторых советских школьных учебниках использовался другой способ: тоны обозначались с помощью специальных букв в конце слова, например: **ма** – «мать», **маъ** – «лошадь», **маь** – «ругать» [17].

Дунганский диалект также уникален своим лексическим синкретизмом русских, китайских и арабо-персидских слов. В дунганском языке посредством слов русского происхождения, как правило, обозначаются техника, административные реалии (*машынэ, трактор, газ, самавар, бюллетень*); словами арабо-персидского происхождения чаще всего обозначаются абстрактные понятия, такие как религия, мир и всё связанное с духовностью (*дунйа* – мир; *сэдэкэ* – милостыня; *пайда* – польза; *бэрэкэти* – удача; *сабыр* – терпение). Слова китайского же происхождения, как правило, выражают базовую лексику (*жын* – человек; *жя* – семья; *щён* – хотеть; *чи* – кушать; *хэ* – пить) [29].

Примеры:

Ва йю лён гэ гэгэ → Wǒ yǒu liǎng gè gēge → 我有两个哥哥 → У меня два старших брата.

Йинтян хын жэ → Jīntiān hěn rè → 今天很热 → Сегодня очень жарко.

Шо чы, дуэ хэ – 少吃, 多喝 – shǎo chī, duō hē
чёнфын чы йүэ. – 強分吃藥 – qiáng fēn chī yào.

Меньше ешь, больше пей –
раздельно принимай лекарство [26].

Бич бу зо жын – 病不找人 – bìng bù zhǎo rén
жын зыжи зо бинни. – 人自己找病呢 – rén zìjǐ zhǎo bìng ne.

Болезнь не ищет человека –
человек сам ищет болезнь [26].

Таким образом, заимствования в дунганском языке происходят четырьмя основными путями: русские слова сохраняют на письме оригинальную форму, но в устной речи фонетически адаптируются с появлением тонов; китайская лексика переходит из диалектов Ганьсу и Шэньси с сохранением тональной системы; арабо-персидские слова проникают через исламскую религиозную практику и быт, часто сохраняя исходное значение.

Ещё одним примером неиероглифической письменности для севернокитайских диалектов является **сяоэрцзин** (小儿经) – система записи китайского языка буквами арабо-персидского алфавита, использовавшаяся китайскими мусульманами (в первую очередь народом хуэй) с эпохи династии Мин (14–16 вв.) [15]. Древнейший известный памятник датируется 1339–1340 годами [8]. Сяоэрцзин пишется справа налево. Его ключевая особенность – **полная огласовка**: в отличие от большинства языков на арабской графике, в сяоэрцзине обозначаются все гласные с помощью диакритических знаков. Это необходимо из-за ключевой роли гласного в китайском слогe: его пропуск привёл бы к неразличимости омофонов. Тоны, как и в дунганской кириллице, обычно не обозначаются [15]. Алфавит сяоэрцзина включает 36 букв: 28 из арабского языка, 4 из персидского и 4 специфических знака для китайских звуков, отсутствующих в арабском и персидском [8].

Примеры (по таблице сяоэрцзин [14]):

وَحْدًا → wǒ hē chá → 我喝茶 → Я пью чай.

تَا شِيُوشْ → tā shì xuéshēng → 他是学生 → Он студент.

نِيْ هِيْ بُ هِيْ كَاْفِيْ؟ → nǐ hē bù hē kāfēi? → 你喝不喝咖啡？ → Ты пьёшь кофе или нет?

وَمَنْ خِيْ خِيْ كَيْ → wǒmen xué xīn kè → 我们学新课 → Мы учим новый урок.

В Китае, с ростом грамотности и распространением пиньиня, сяоэрцзин к концу 20 века практически исчез [15]. Таким образом, сяоэрцзин представляет собой ещё один пример неиероглифической записи севернокитайских диалектов – на этот раз арабскими буквами, возникший «снизу» как народная религиозная практика.

В данной статье проведён сопоставительный анализ письменностей и заимствований в севернокитайских диалектах (гуаньхуа). Основные выводы сводятся к следующему: письменная традиция гуаньхуа базируется на иероглифике, однако существуют и альтернативные системы: дунганская кириллица и арабографический сяэрцзин. Обе демонстрируют возможность фонетической записи китайских диалектов, но каждая имеет свою историю: одна возникла в результате государственной реформы, другая – как народная религиозная практика. Заимствования в севернокитайском осуществляются двумя основными способами: семантическим калькированием и фонетической транслитерацией. Выбор между ними зависит от сферы употребления.

Таким образом, поставленная во введении цель выявления закономерностей развития письменностей и механизмов заимствований в севернокитайских диалектах достигнута.

Список литературы

1. «新中国扫盲运动--人类历史上的奇迹» [New China's literacy Movement – a miracle in human history]. www.sohu.com. 24 May 2018.
2. «辉煌60年:"扫盲"字眼的消失 一个落后时代的远去» [60 years of glory: The disappearance of the word 'literacy' and the passing of a backward era]. www.gov.cn. 6 September 2009.
3. 《人民日报》评论员文章：说普通话 用规范字 – «Жэньминь жибао»: Говорите на стандартном китайском языке и используйте стандартные иероглифы. www.gov.cn
4. Chen Ping. Modern Chinese: History and sociolinguistics. – New York: Cambridge University Press, 1999. – С. 28.
5. Cheng, Lai-ming. The vernacularization of standard Baihuawen during the period of 1917–1955 [D]. Hong Kong Polytechnic University, 1999.
6. China Vibes – Что такое пиньинь, инициали и финали. <https://chinavibes.ru/posts/chto-takoe-pinin-initsiali-i-finali>
7. Coblin, W. South (2000), «A brief history of Mandarin», Journal of the American Oriental Society, 120 (4). – С. 537–552.
8. Ding, Iskandar. Xiao'erjing-Writing Chinese with Arabic Letters: An Introduction. The Sino-Arabica Project, 2025.
9. Ethnologue - http://www.ethnologue.com/show_country.asp?name=CN
10. Machida Kazuhiko. Corpus of «Xiao-Er-Jin» Script of Muslim Chinese. – Tokyo University of Foreign Studies, 2003.
11. Norman, Jerry, 1988. – С. 183–190.
12. Norman, Jerry, 1988. – С. 190–191.
13. Norman, Jerry. Chinese. – Cambridge University Press, 1988. – С. 48–51.
14. Omniglot. Xiao'erjing charts <https://www.omniglot.com/charts/xiaoerjing.xls>
15. Omniglot. Xiao'erjing. URL: <https://omniglot.com/chinese/xiaoerjing.htm>
16. Ramsey, S. Robert, 1987, с. 1.
17. Rimsky-Korsakoff, Svetlana. Soviet Dungan: The Chinese Language of Central Asia: Alphabet, Phonology, Morphology // Monumenta Serica 1967. Т. 26, вып. 1. – С. 352–421.
18. Tsuen-Hsuei Tsien. Written on bamboo & silk: the beginnings of Chinese books & inscriptions (англ.). 2nd ed.. – Chicago: University of Chicago Press, 2004. – 32.
19. Wei, Bi (2014). The Origin and Evolvment of Chinese Characters (PDF). Gdańskie Studia Azji Wschodniej. 5: 33–44.
20. Weng, Jeffrey (2018), «What is Mandarin? The social project of language standardization in early Republican China», The Journal of Asian Studies, 59 (1): 611–633,

21. YellowBridge <https://www.yellowbridge.com/chinese/englishloan.php>
22. Дунганское восстание // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). – СПб., 1890–1907.
23. Завьялова О.И. Диалекты китайского языка. – М., 1996.
24. Луков В.А. История литературы: Зарубежная литература от истоков до наших дней (М., 2008).
25. Реформатский А.А. Введение в языковедение. – С. 229.
26. Светлана – Милянфан, Кыргызстан – Лохуэйхуэйди кугар – Старые дунганские поговорки / Старинные дунганские изречения.
27. Ставров Иван Валерьевич. <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-demograficheskoy-politiki-kpk-v-otnoshenii-malyh-narodov-kitaya-1949-2021-gg>
28. Чжоу Югуан. Модернизация китайского языка и письменности // Новое в зарубежной лингвистике. 1989. Вып. XXII. Языкознание в Китае. – С. 376–398.
29. Юсуп Яншансин. Краткий дунганско-русский словарь. Издание второе, 2009.
30. 国务院关于公布《通用规范汉字表》的通知 (Уведомление Государственного совета о введении в действие «Общего стандартизированного списка китайских иероглифов») (кит.). Правительство Китайской Народной Республики (19 августа 2013).

УДК 81'1

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА ЧЕРЕЗ МОБИЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ DUOLINGO: ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ И КАЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ

Садаев Д.С.-Х.,

магистрант 2 курса факультета иностранных языков

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»

e-mail: deni_sadaev@mail.ru

Аннотация. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью отделить маркетинговые заявления от эмпирически доказанных результатов. Данная статья ставит целью оценить эффективность Duolingo как инструмента для приобретения языковых компетенций. На основе систематического обзора существующих академических исследований выявлены сильные и слабые стороны платформы. Кроме того, проводился собственный качественный анализ, фокусирующийся на пользовательском опыте и долгосрочной мотивации. Результаты показывают, что Duolingo высокоэффективен для формирования базового словарного запаса и освоения элементарных грамматических структур, а также для поддержания регулярности занятий благодаря геймифицированному подходу. Однако приложение демонстрирует ограниченную эффективность в развитии продуктивных навыков (спонтанная устная речь, письмо) и социолингвистической компетенции. Делается вывод о том, что Duolingo является ценным вспомогательным инструментом на начальных и средних этапах обучения, но не может заменить комплексный языковой курс или живое общение.

Ключевые слова: Duolingo, MALL (Mobile-Assisted Language Learning), геймификация, изучение языков, эффективность, мотивация, VOC.

FOREIGN LANGUAGE LEARNING EFFECTIVENESS THROUGH THE DUOLINGO MOBILE APPLICATION: A RESEARCH REVIEW AND QUALITATIVE ANALYSIS

Sadaev D.S.-KH.,

2nd year master's student, Foreign Languages Faculty

Kadyrov Chechen State University

Abstract. The relevance of this study stems from the need to separate marketing claims from empirically proven results. This article aims to evaluate the effectiveness of Duolingo as a tool for acquiring language skills. A systematic review of existing academic research identifies the platform's strengths and weaknesses. In addition, a qualitative analysis focusing on user experience and long-term motivation was conducted. The results show that Duolingo is highly effective for building basic vocabulary and mastering elementary grammatical structures, as well as maintaining regular study habits thanks to its gamified approach. However, the app demonstrates limited effectiveness in developing productive skills (spontaneous speaking and writing) and sociolinguistic competence. It is concluded that Duolingo is a valuable supplementary tool in the early and intermediate stages of learning, but cannot replace a comprehensive language course or live communication.

Keywords: Duolingo, MALL (Mobile-Assisted Language Learning), gamification, language learning, efficiency, motivation, VOC.

Современный взгляд на процесс изучения иностранного языка является результатом понимания коммуникативного функционирования человека в окружающей среде, в контексте группы и общества. Такой взгляд на языковую коммуникацию предполагает, что язык, по существу, непередаваем. Передаются только продукты коммуникационной деятельности. В современном информационном мире, насыщенном различными электронными ресурсами, учебным заведениям приходится выдерживать жесткую конкуренцию с различными образовательными центрами и платформами, предоставляющими возможности для изучения иностранного языка [1].

В последнее десятилетие наблюдается бум в использовании мобильных приложений для изучения языков (MALL), среди которых Duolingo является одним из самых популярных в мире. Онлайн-платформы помогают изучать специализированную лексику, улучшать навыки делового письма и вести переговоры на английском. Такие ресурсы позволяют учиться в удобном темпе и предлагают практические задания, близкие к реальным профессиональным сценариям. Но, несмотря на популярность, в академической среде продолжают дебаты о реальной педагогической ценности платформ [5].

В нашем исследовании мы рассмотрим приложение Duolingo, которое благодаря своей доступности и бесплатной модели, привлекло сотни миллионов пользователей по всему миру.

Цель нашего исследования – провести комплексный анализ эффективности Duolingo для изучения иностранного языка на основе рецензируемых научных работ и дополнить его собственным качественным анализом.

Многочисленные исследования подтверждают эффективность Duolingo на начальном этапе обучения. В исследовании Vesselinov & Grego (2012) было установлено, что 34 часа занятий на платформе Duolingo эквивалентны семестру университетского курса языка начального уровня [4].

Ключевым фактором успеха Duolingo является его геймифицированная структура. Система «ударного режима», лиг, очков опыта и визуального прогресса отлично воздействует на сознание человека, стимулируя заниматься каждый день. В работе P. Munday (2016) подчеркивается, что именно игровая механика является основным мотиватором для пользователей [3].

Несмотря на то что Duolingo в целом хвалят, в научной среде отмечают ряд существенных недостатков:

- **Развитие продуктивных навыков.** Большинство упражнений в Duolingo заключается в составлении фраз из предложенных слов. Свободная речь практически не тренируется.
- **Ограниченная коммуникация.** Duolingo обучает языку немного в отрыве от реального мира, поэтому заученные слова и фразы могут отличаться от живого языка носителей.
- **Поверхностное усвоение материала.** Механика, где нужно сделать клик и выбрать правильный вариант или перенести слово с правильным употреблением времени, приводит к поверхностному запоминанию. Ученик часто угадывает правильный ответ на основе шаблона, а не знаний.

- **Малое затрагивание грамматики** в упражнениях или ее отсутствие вовсе: изучение грамматики ограничивается лишь правильным употреблением предлога, артикля и реже глагола в правильном времени.

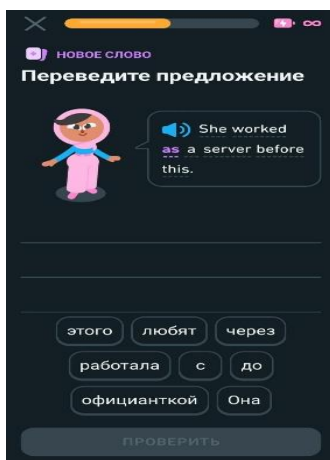

Рисунок 1. Упражнение, где необходимо правильно перевести предложение, используя предложенные варианты слов. Прорабатывается правильное употребление предлога as.

Рисунок 2. Упражнение, где также нужно сделать перевод, используя предложенные варианты. Прорабатываются предлог at и определенный артикль the.

Мы провели исследование среди учащихся старших классов СОШ № 3 г. Грозного (34 человека), а также среди взрослых (12 человек), которые используют Duolingo в качестве основного инструмента для изучения иностранного языка.

В первом опросе был поставлен вопрос: «Какие навыки у вас улучшились благодаря использованию Duolingo?»

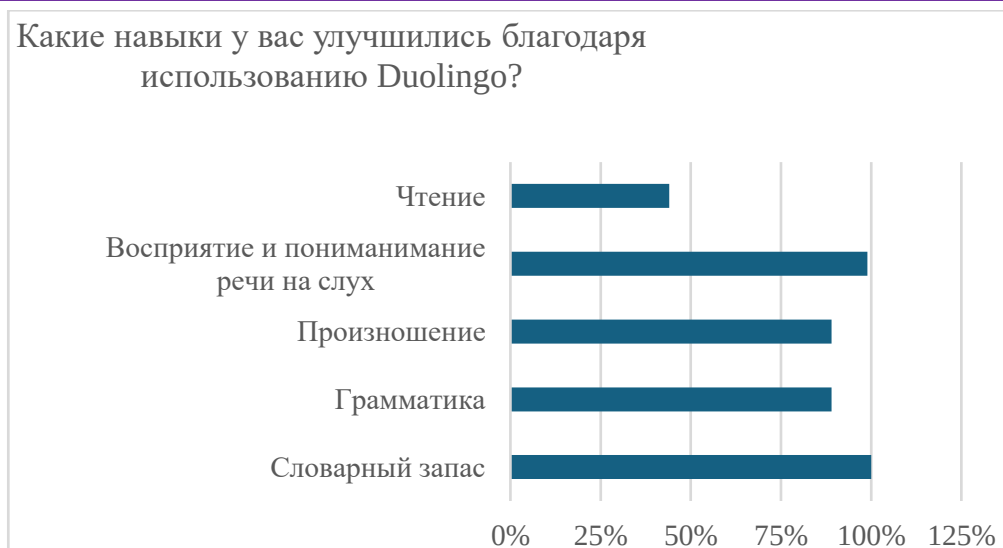

Рисунок 3

Во втором опросе был поставлен вопрос: «В каких аспектах, по вашему мнению, Duolingo можно улучшить?».

Рисунок 4

Для дополнения данных академических исследований нами также был проведен качественный анализ, включающий в том числе анализ пользовательских отзывов на платформах Reddit (сообщество r/duolingo) и в App Store.

В результате проведенного анализа отмечено следующее:

– многое зависит от мотивации и привычек: подавляющее большинство положительных отзывов связано с формированием устойчивой привычки. Пользователи отмечают, что приложение «затягивает» и заставляет возвращаться.

Личный опыт также подтвердил важную особенность приложения: система лиг действительно создает ощущение здоровой конкуренции, а страх потерять «ударный режим» становится сильным мотиватором для регулярной практики.

Именно благодаря этим элементам многим пользователям удастся поддерживать дисциплину и возвращаться к обучению каждый день.

При более длительном изучении языка (более года) пользователи отмечают, что после освоения базового и среднего уровней прогресс начинает ощущаться значительно медленнее. Новая лексика становится более узкоспециализированной и реже встречается в реальной речи, а грамматические конструкции во многом повторяют уже знакомые модели без заметного усложнения.

Отдельного внимания заслуживает проблема контекста и вариативности. Наблюдая, мы заметили, что многие упражнения сводятся к механическому повторению одних и тех же фраз. Пользователь может довести некоторые речевые обороты и фразы до автоматизма, но при этом не всегда может понимать, в каких жизненных ситуациях они действительно пригодятся. Из-за этого знания нередко остаются «внутри приложения» и не переходят в практику [2].

Похожая ситуация наблюдается и в развитии навыков аудирования и говорения. Аудиоупражнения чаще всего основаны на медленной и четкой речи, которая заметно отличается от естественного темпа и стиля общения носителей языка. Как результат, за пределами платформы пользователь испытывает трудности в коммуникации. Несмотря на погрешности, в целом данное исследование подтвердило эффективность платформы.

Список литературы

1. Нелепко Е.П. Виртуальные образовательные платформы в обучении иностранному языку // The Scientific Heritage. 2020. № 53-4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnye-obrazovatelnye-platformy-v-obuchenii-inostrannomu-yazyku>
2. Krashen, S.D. Principles and Practice in Second Language Acquisition. – Oxford: Pergamon, 1982. – 202 p.
3. Munday, P. The case for using Duolingo as part of the language classroom experience // RIED: Revista Iberoamericana de Educación a Distancia. 2016. Vol. 19, № 1. – P. 83–101.
4. Vesselinov, R., & Grego, J. Duolingo Effectiveness Study: Final Report. 2012. URL: https://static.duolingo.com/s3/DuolingoReport_Final.pdf
5. <https://englex.ru/platforms-for-learning-english/>

УДК 581.5

**ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ЛЮБОВЬ» В
РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО,
ФРАНЦУЗСКОГО И ЧЕЧЕНСКОГО ЯЗЫКОВ)**

Хадисова Х.Ш.,

*студентка 4 курса факультета иностранных языков
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А.
Кадырова»*

e-mail: julesritz28@icloud.com

Юсупова С.С.-А.,

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры «Романские языки»
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный
университет им. А.А. Кадырова»*

e-mail: ana.yusupova.71@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена лингвокультурологическому исследованию фразеосемантического поля «любовь – ненависть» через сопоставительный анализ на материале русского, французского и чеченского языков. Фразеологизмы, пословицы и поговорки рассматриваются как эмоциональные концепты в их фразеосемантических, этических и когнитивных особенностях. Следует отметить особую роль национально-культурной уникальности исследуемых лингвокультур в образном формировании человеческой сферы чувств. Ряд специфических черт, выявленных в процессе исследования, помогают прийти к лучшему пониманию структуры эмоций человека в языковой картине мира.

Ключевые слова: фразеосемантическое поле, концепт, фразеологизмы, сопоставительный анализ, лингвокультурология, любовь.

**THE PHRASEOLOGICAL SEMANTIC FIELD «LOVE»
IN DIFFERENT LANGUAGES (BASED ON THE RUSSIAN,
FRENCH AND CHECHEN LANGUAGES)**

Khadisova Kh.Sh.,

*4th year student of the Faculty of Foreign Languages
Kadyrov Chechen State University*

Yusupova S.S.-A.,

*Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Romance Languages Department
Kadyrov Chechen State University*

Abstract. This article is devoted to a linguocultural study of the phraseosemantic field «love-hate» through a comparative analysis based on the Russian, French, and Chechen languages. Phraseological units, proverbs, and sayings are examined as emotional concepts in their phraseosemantic, ethical, and cognitive features. It should be noted that the national and cultural uniqueness of the studied linguistic cultures plays a special role in the figurative formation of human

emotions. The specific features identified in the study help to better understand the structure of human emotions in the linguistic worldview.

Keywords: *phrase-semantic field, the concept, phraseological units, comparative analysis, linguoculturology, love.*

Фразеосемантическое поле – это совокупность фразеологических единиц, которые объединены общим значением. Они являются важнейшим источником обогащения нашего языка, собирающим в себе культурный опыт народа. Со слов исследователя А.М. Эмировой, под фразеосемантическим полем мы понимаем «организованную микросистему фразеологических единиц, связанных общим значением и отражающих специфику восприятия тех или иных фрагментов действительности» [2, с. 34].

Одним из основных понятий фразеосемантического поля является «концепт». «Концепт [от лат. *conceptus* – понятие] – это единица коллективного сознания, которая имеет высшую духовную ценность и является отправной точкой анализа менталитета наций» [3, с. 42].

Фразеосемантическое поле «любовь» в разноструктурных языках может проявляться через использование метафорических моделей, которые характерны для каждой лингвокультуры. В каждом языке закрепляются жизненные ситуации, связанные с базовыми чувствами человека [5].

Лингвокультурология – это научная дисциплина, предметом изучения которой является репрезентация в языке фактов культуры, своеобразным продуктом которой является так называемая лингвокультура. Ученые отмечают, что в «лингвокультурологии занимаются изучением фразеологии для выявления национального кода – тех образов и ассоциаций, стоящих за теоретическим понятием чувств» [6].

«Фразеологическая единица – это устойчивое по составу и структуре, лексически неделимое и целостное по значению словосочетание. В языке фразеологизмы могут быть использованы как экспрессивное средство оценки; в частности, те, которые служат эмоциональной сфере, являются показателями тончайших нюансов человеческих отношений» [4, с. 115].

Рассмотрим эти структуры на материале русского, французского и чеченского языков.

Концепт «любовь» – это универсальная категория, но способы ее выражения зависят от исторического опыта того или иного народа.

В русских фразеологизмах метафорой любви представляются слабость, жертвенность и страдания. Великие русские писатели в своих произведениях нередко видели в любви необходимость самопожертвования, жалость, отнимающую все силы и порой лишаящую разума.

Французская лингвокультура, наследница эпохи Просвещения, описывает любовь как удар молнии или стихийное бедствие, поражающее тело насквозь.

Чеченский язык, глубоко связанный с суровым кодексом чести, выражает любовь через призму благородства, достоинства и сдержанности. Для чеченского народа истинные чувства часто немногословны, приветствуется сдержанность в

выражении эмоций и чувств. Самым важным является нерушимость слова и сохранение чести.

В языке народа чувства не являются отдельными от реальной жизни. Народы берут определение любви из опыта поколений, а не из книг и словарей. Реализм фразеологии заключается в фиксации этого опыта и его сохранении в языке для последующих поколений.

В отличие от французской и русской лингвокультур, где чувства как субъект являются активными (я тебя люблю, *je t'aime*), в чеченской лингвокультуре часто акцент делается на чувствах, которые проходят сквозь нематериальное начало (*сан са гатт ло* – моя душа сжимается).

Во французском и русском языках метафорой любви часто является «сердце» какместилище чувств. Русская фразеология склонна к описанию внутреннего состояния (сердце обливается кровью), в то время как французская использует внешние атрибуты (взгляды и жесты).

Фразеологизмы, выражающие чувство любви, своей национальной окраской отражают мировоззренческую установку носителя языка.

Сравним проявление чувства и его описание на материале русского, чеченского и французского языков.

Во французском языке делается акцент на силе чувства, его внезапности:

«*Le coup de foudre*» – удар молнии, любовь с первого взгляда. Пожалуй, это выражение является одним из самых известных для того, чтобы описать внезапное зарождение глубокой эмоциональной привязанности.

«*Tomber amoureux*» – упасть в любовь. Это выражение указывает на потерю контроля над собой. От любви можно разучиться ходить, так как она способна сбить с толку.

«*Le coeur qui soupire n'a pas ce qu'il désire*» – сердце вздыхает от того, что не получает желаемого (возможно, ответного чувства). Чувства человека не поддаются логике и рациональности, ими руководят эмоции. У эмоций нет разума и рассудительности, они руководствуются желанием и влечением.

«*L'amour parfait bannit la crainte*» – совершенная/истинная любовь изгоняет страх. Эта пословица говорит о том, что любовь – это самопожертвование. Ради любимых не страшно идти на риск и не страшно побороть свои страхи. Влюбленные люди способны сделать для близких столько, сколько никогда не решились бы сделать для себя. Утверждается, что ради любимых ничего не страшно. Страх за собственную жизнь способен исчезнуть ради благополучия и сохранности другого. Это объясняется внутренней опорой человека, которую он приобретает в правильных и надежных отношениях, где чувствует защиту, преданность и искренность.

«*Être coiffé par quelqu'un*» – быть без ума от кого-то, быть бесконечно преданным кому-то (букв. «быть причесанным кем-то»; кто-то занимает вашу голову, все мысли, как головной убор покрывает голову). Это выражение считается архаизмом. Оно означает полное погружение в любовь, когда человек способен потерять рассудок от своей привязанности, одержимости и сильных чувств.

В русском языке также делается акцент на силе и глубине чувства, а также на душевном состоянии любящего:

«Сердцу не прикажешь». Данная поговорка говорит о том, как тяжело совладать с чувствами, если сердце отзывается на другого человека. Мы остаемся с теми, к кому испытываем любовь и привязанность, напрямую связанную с сердцем.

«Без памяти влюбиться». Говорится о сильной, страстной любви до самозабвения. Из-за нее можно потерять голову, лишаясь всех мыслей и рассудительности.

«Болезнь душой». Фразеологизм описывает душевные страдания и глубокие переживания за другого человека. Тревога и сильное беспокойство за любимого человека захватывает душу, как болезнь, забирая силы, мысли и время любящего.

«Любовь – крапива стрелецкая». Чувство может обжечь, как крапива. Подчеркивается понятие любви не только как нежного и душевного чувства, но и как боли, которая может приносить долгие страдания.

«Кому что по нраву, а мне – милый по сердцу». В пословице говорится о важности личного выбора. У каждого человека есть свои особые предпочтения. Часто выбор одного человека странно воспринимается другим, но о вкусах не спорят. Только ваше сердце, а не мнение окружающих, определяет ваши чувства.

«Миловать очи». Этот фразеологизм является старинным выражением. Его употребляли для описания нежного и мягкого взгляда, которым смотрели на предмет своей любви, не уставая любоваться им.

В чеченском языке чаще всего делается акцент на этической значимости чувства:

«Хазалла – сарралц, дикалла – валлалц» (красота – до вечера, доброта – до самой смерти). Люди всегда тянутся к чему-то красивому, но не всегда задерживаются рядом. Внешняя красота не всегда соответствует красоте души, она преходяща и недолговечна. Влюбиться можно в красоту, а любить будут за доброту. Человеку важнее душевность и доброта, которые останутся рядом с ним на всю жизнь.

«Дог цїена хилар» – иметь чистое сердце. Данная пословица говорит о сердце, в котором нет лицемерия и хитрости, злобы и зависти. Человек, у которого чистое сердце, всегда делает добро, не ожидая его в ответ. Он помогает другим, сам никогда не выпрашивая. Его мысли и слова всегда соответствуют его действиям и поступкам. Он честен с другими так же, как честен с самим собой. Такой человек всегда терпелив по отношению к другим, спокоен во время трудностей и молчалив во время спора. Человек с чистым сердцем вызывает уважение и любовь окружающих.

«Безаман цїергахь вага» – сгорать в любовном огне. Это выражение довольно драматично, так как человек добровольно готов отдать себя в жертву ради любви, теряя при этом разум. Это означает выбор, когда ты отказываешься от своего положения, семьи и достатка только ради того, чтобы быть с тем, кого любишь.

«Безамна а ши дог оышу» – любовь нуждается в двух сердцах. Любви необходима взаимность. Если одно сердце ее испытывает, а второе не отвечает чувством – любовь со временем угаснет.

Таким образом, мы видим, что фразеологические единицы передают мировоззренческие установки носителей языка, отражают особенности национального характера и коммуникативного поведения.

Следует отметить, что проявление фразеосемантического поля «любовь» в разноструктурных языках является специфичным на всех уровнях языковой репрезентации: лингвокультурологическом, семантическом и морфосинтаксическом.

Несмотря на разницу национальных акцентов в формировании данного поля, все три культуры объединяет общее представление о любви как о могущественной силе, которой человек не может противостоять: удар молнии, сжигающий огонь, сила, лишаящая памяти.

Список литературы

1. Kovecses, Z. Metaphor and emotion, page 26–37, 143–161, 2000.
2. Эмирова А.М. Русская фразеология в коммуникативном аспекте, 1988.
3. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры, 2004.
4. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты, 1996.
5. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка, 2010. – С. 18.
6. <https://www.rbc.ru/life/news/68cbfd6d9a794795e3a7a0e7?ysclid=mnxeg2bt9r268412373#a7a0e7-contents-p1>
7. Айдаев Ю. Хъекъале дош. Нохч-Г1алг1айн книжни издательство, 1976.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА: ЯЗЫКОВОЙ И КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ

Яхьяев А.-Р.С.-Э.,

магистрант 2 курса факультета иностранных языков

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова»

e-mail: raahi321@gmail.com

Арсаханова М.А.-Х.,

кандидат филологических наук, доцент кафедры «Немецкий язык»

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова»;

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет»

e-mail: arsaханова@mail.ru

Аннотация. *Статья посвящена проблеме формирования и содержания межкультурной компетенции в условиях глобализации и расширения международных контактов. Особое внимание уделяется понятию культуры как многокомпонентного феномена; подчеркивается роль языка как средства выражения национального менталитета и важнейшего инструмента межкультурной коммуникации. Также проводится анализ языковых особенностей, которые отражают национальное видение мира, на примере немецкого языка в сопоставлении с русским.*

Ключевые слова: *менталитет, коммуникация, язык, семантика.*

INTERCULTURAL COMMUNICATION IN THE CONTEXT OF NATIONAL MENTALITY: LINGUISTIC AND ASPECTS

Yakhyaev A.-R.S.-E.,

2nd year master's student of the Foreign Languages Faculty

Kadyrov Chechen State University

Arsakhanova M.A.-Kh.,

Candidate of Philological Sciences,

Associate Professor of the German Language Department,

Kadyrov Chechen State University;

Chechen State Pedagogical University

Abstract. *This article examines the development and content of intercultural competence in the context of globalization and expanding international contacts. Particular attention is paid to the concept of culture as a multifaceted phenomenon, emphasizing the role of language as a means of expressing national mentality and a crucial tool for intercultural communication. It also analyzes linguistic characteristics that reflect national worldviews, using the example of German in comparison with Russian.*

Keywords: *mentality, communication, language, semantics.*

Глобализация оказала значительное влияние на пространственно-временные границы коммуникации путем уменьшения благодаря современным

средствам информационных технологий, транспорта, мобильности студентов и преподавательского состава, а также интернационализации образования в целом, являющейся результатом глобализации и в то же время усиливающей её.

Коммуникация, представленная языком и культурой, остается главным препятствием для глобализации. Для преодоления языкового барьера лингвисты предпринимали попытки создать искусственный язык, подобный эсперанто, но в долгосрочной перспективе они потерпели неудачу из-за одного обстоятельства – язык не может существовать без культуры и нации, к которой он принадлежит.

Язык – это единая духовная энергия людей. Он служит не только для коммуникации, но, прежде всего, обеспечивает мировоззрение нации как необходимое условие коммуникации. Язык является отличительным знаком нации (Kennzeichen), он формирует уникальное мировоззрение (Weltbild). Каждый язык – это сокровищница истории народа, главный показатель его уникальности [2].

С другой стороны, сам по себе язык не может служить мощным объединяющим инструментом, сближающим народы и нации (доказательство тому множество примеров, когда однородные, мооязычные общества распадались, раздираемые конфликтами и войнами).

Языковое разнообразие в этих условиях становится неотъемлемой частью повседневной реальности. Язык является основополагающим компонентом индивидуальной и коллективной идентичности, наиболее непосредственным выражением культуры, а также культурным достоянием, требующим сохранения и поддержки. Кроме того, язык является основой любой формы социального взаимодействия и коммуникации.

В связи с возрастающей необходимостью формирования межкультурной компетенции исследования последних десятилетий сосредоточены на том, как и на что должна быть ориентирована педагогическая деятельность. В научном дискурсе возникло несколько актуальных направлений и подходов, посвященных вопросам культурного разнообразия. Все они вращаются вокруг вопроса о том, какие существенные и структурные изменения необходимы для обеспечения демократического образования в рамках языкового, культурного, национального и этнического многообразия.

В настоящее время нет единого понимания «межкультурной компетенции», предъявляемой к педагогам. С одной стороны, отсутствуют эмпирические исследования, которые могли бы точно определить содержание данной компетентности в школьном контексте, а также способы ее формирования у учителей. С другой стороны, в области межкультурного образования ведутся концептуальные дискуссии, в частности о том, как следует использовать термин «культура» в рамках концепции межкультурной компетенции. Межкультурная компетенция приобретает особую значимость в условиях глобализации и интернационализации профессиональной деятельности.

Культура народа формируется под влиянием национального мышления и находит отражение как в вербальных, так и невербальных формах коммуникации. Так, исследователи отмечают такие черты немецкого

менталитета, как строгость, структурированность и ориентация на порядок, тогда как для русской культуры характерны коллективизм, духовность и широта мировосприятия [3].

Е.Я. Таршис определяет ментальность как «коллективное сознание, общее для всего общества в определенный исторический момент», подчеркивая при этом роль неосознанно усваиваемых психологических установок и «видения мира» [6].

Язык выступает ключевым инструментом проявления национального менталитета. В разных культурах одни и те же явления могут описываться с разных позиций, что приводит к возникновению так называемых культурных барьеров. Так, в немецком языке культурные концепты *Pünktlichkeit* (пунктуальность) и *Ordnung* (порядок) отражают ценности точности, самодисциплины и организованности.

В.Н. Ганин отмечает, что немецкий менталитет характеризуется высокой степенью самодисциплины, ответственности и стремлением к четкому разграничению границ [2]. В немецком языке есть большое количество выражений, передающих ценности немецкого общества, а также культурные, национальные элементы, специфичные для данной страны.

Например, «Schultüte» (школьный конус), который получает каждый немецкий ребенок в первый день в школе, является «лакуной» для русского, поскольку ни этой традиции, ни этого слова в русском языке не существует. Идиома «wie beim Schießen in Hornberg» означает, что дело заканчивается неудачно, без ясного результата. Этимология идиомы восходит к 1519 году и осаде города Хорнберг в Шварцвальде. Значение идиомы объясняется следующим образом: жители покинули город, чтобы дать врагу бой под городскими стенами. Увидев облако пыли, они открыли хаотичный огонь. Однако, как позже выяснилось, врага не было; причиной появления облака пыли стало стадо овец. Другим примером может служить название «Buxtehude». Название этого небольшого нижнесаксонского городка является частью нескольких устоявшихся идиом, таких как «in Buxtehude», «aus Buxtehude», где название используется для обозначения провинции, глубинки или места, очень удаленного от центральных регионов [5].

Значение этих идиом можно понять только при знании немецкой истории и географии, а это значит, что они не только бросают вызов языковым способностям иностранца, но и вызывают вопросы относительно своего происхождения.

Развитие межкультурной компетентности не является самоподдерживающимся процессом. Приобретение межкультурной компетентности — это возможность преодолеть этноцентризм, через призму которого воспринимаются другие культуры. Культурное разнообразие открывает новые возможности для расширения и обогащения собственного мировоззрения.

Список литературы

1. Бинович Л.Э. Немецко-русский фразеологический словарь. — М.: Русский язык, 1975. — 656 с.

2. Ганин В.Н. История зарубежной литературы XVII–XVIII веков: учебник для вузов / В.Н. Ганин, В.А. Луков, Е.Н. Чернозёмова; под ред. В.Н. Ганина. – Москва: Изд-во Юрайт, 2025. – 415 с. URL: <https://urait.ru/bcode/560491>
3. Морозкина Т.В. Межкультурная коммуникация. Intercultural Communication. Interkulturelle Kommunikation: учебник / Т.В. Морозкина, Я. Русинякова. – Ульяновск: УГПУ им. И.Н. Ульянова, 2020. – 243 с. URL: <https://www.iprbookshop.ru/108529.html>
4. Ражева Е.С. Межкультурная коммуникация: практикум для магистрантов / Е.С. Ражева. Саратов, 2021. – 68 с. URL: <https://www.iprbookshop.ru/110120.html>
5. Степанова М.Д. Вопросы компонентного анализа в лексике (на материале соврем. нем. яз.) // Иностранные языки в школе. 1966. № 5. – С. 34–40.
6. Таршис Е.Я. Ментальность человека: подходы к концепции и постановка задач исследования / Е.Я. Таршис. – М.: Наука, 2021. – 118 с.

Всероссийская научно-практическая конференция
«ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ»

Подписано в печать 10.07.2026 г. Формат 60х84/8
Бумага офисная. Печать-ризография.
Уч.-изд. л. 5,6. Тираж 100 экз.

Издательство Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова
Адрес: 364037 ЧР, г. Грозный, ул. Субры Кишиевой, 33